
Эр1 716
Александров
Белые дни
Белые дни.

Я. Александровъ.

БѢЛЫЕ ДНИ.

ЧАСТЬ 1-ая.

Главный Складъ: Кн. Маг. „ГРАДЪ КИТЕЖЪ“
Berlin W. 35 Lützowstr. 80.

БѢЛЫЕ ДНИ.

ЧАСТЬ 1-ая.

Главный Складъ: Кн. Маг. „ГРАДЪ КИТЕЖЪ“
Berlin W. 35 Lützowstr. 80.

Типографія Артели „ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО" въ Вюисдорфѣ.
1922 г.

I

Въ ноябрѣ 1917-го года, въ то самое время, когда въ Могилевѣ воръ и проходимецъ Крыленко съ толпой всякой мрази и продавшимся ему Генераломъ Бончъ-Бруевичемъ убилъ послѣдняго Верховнаго Главнокомандующаго Генерала Н. Н. Духонина и, сдѣлавшись самъ „главковерхомъ", торопился доканчивать развалъ россійскихъ войскъ, — на далекомъ Дону честный русскій патріотъ, Генералъ-Адъютантъ М. В. Алексѣевъ старческой, но еще твердой рукой подняль русскій трехцвѣтный стягъ и положилъ основаніе Добровольческой Арміи.

Преодолѣвая затрудненія и опасности, пробираясь черезъ толпы осатанѣвшаго „революціоннаго" народа, — потянулись на призывъ стараго вождя офицеры, юнкера, кадеты, солдаты, казаки и просто молодежь, — словомъ все то, что не мирилось съ вакханаліей надвинувшейся смуты и что имѣло возможность узнать о зарожденіи Арміи и добраться до Дона.

Но Арміи на Дону не суждено было даже устроиться.

Какъ часто бываетъ, что заразная болѣзнь въ силу какихъ-то причинъ особенно сильно поражаетъ наиболѣе, казалось-бы, здоровые организмы, — такъ и Донъ, съ его въ корнѣ здоровымъ казачествомъ, заразился въ острой степени большевизмомъ. Черезъ сравнительно короткое время этотъ богатый, привольный и своеобразный по своему жизненному, крѣпко-хозяйственному укладу край сдѣлался ареной кроваваго бунтарства, воскресившаго въ памяти недобрыя и позабытыя времена Разина, Пугачева и прочихъ прообразовъ большевизма, прозрачно прикрывшаго свой разбой краснымъ флагомъ свободъ и соціалистической идеологіи.

Необыкновенная по крѣпости духа личнаго состава, но малочисленная, не успѣвшая сформироваться, бѣдная и неустроенная Добровольческая Армія не могла оставаться въ предѣлахъ взбаломученнаго „тихаго" Дона, грозившаго захлестнуть ее своими закраснѣвшимися волнами. Пришлось покинуть Новочеркасскъ, а вскорѣ и Ростовъ, гдѣ отбросы Земли Войска Донского, не имѣвшіе къ настоящему казачеству никакого отношенія, съ пыломъ углубляли „завоеванія революціи", расчищая дорогу идущему съ сѣвера красному хаму.

II

9-го февраля Армія начала свой крестный путь, совершивъ затѣмъ въ теченіе семидесяти дней безпримѣрный походъ, по своей исключительной трудности превосходящій все то, что когда-либо имѣло мѣсто въ военной исторіи.

Во главѣ Арміи, какъ Командующій ею, стоялъ Корниловъ, которому Алексѣевъ, высоко цѣнившій выдающійся талантъ и обаяніе Корнилова и умѣвшій приносить самого себя безъ остатка въ жертву дѣлу, — передалъ всю полноту военной власти.

Нерѣдко приходится слышать, что въ Арміи все-же чувствовалось двоевластіе и даже раздѣленіе добровольцевъ на Корниловцевъ и Алексѣевцевъ. Едва-ли это было на самомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ замѣтной формѣ. Высокая порядочность Алексѣева и властность Корнилова сами по себѣ взаимно исключали возможность рѣзкихъ отношеній между двумя этими различными по характеру людьми, одинаково отдавшими свои жизни общему русскому дѣлу.

Если-же что и происходило на этой почвѣ, то дѣлалось не Алексѣевымъ и не Корниловымъ, а тѣми, кто ставилъ ставку своей карьеры на главенство того или другого генерала.

Какъ революція, являясь разрушительнымъ началомъ, породила слабовольныхъ говоруновъ или предателей, продающихъ Россію за призракъ временной власти и золото, такъ добровольческое движеніе, будучи началомъ патріотизма и государственности, — создало стойкихъ и самоотверженныхъ людей.

Изъ рядовъ маленькой арміи уже въ короткое время, не считая, конечно, Алексѣева, Корнилова и Деникина, чьи имена были созданы годами выдающейся службы и доблестью на поляхъ сраженія, — выдвинулись Марковъ, Глазенапъ, Кутеповъ, Улагай, Нѣжинцевъ, Писаревъ и цѣлый рядъ другихъ неустрашимыхъ борцовъ за спасеніе Россіи. Всѣ эти люди, охваченные, или, быть можетъ, грубо выражаясь, отравленные навсегда ядомъ служенія Родинѣ, — претерпѣвали и претерпѣваютъ въ своемъ подвижничествѣ невѣроятныя препятствія.

Но рано или поздно они сами или ихъ духовные наслѣдники — замѣстители сдѣлаютъ великое дѣло освобожденія Россіи изъ грязныхъ лапъ краснаго звѣря и явятъ міру правоту своихъ начинаній и избранныхъ путей.

III

Армія, выходя изъ Ростова, не имѣла передъ собой никакой цѣли, кромѣ самой ближайшей, то-есть оставленія Ростова, гдѣ ей уже нельзя было оставаться.

Одновременно съ ней должны были покинуть родной Донъ части Донской Арміи, не признавшія большевиковъ и выступившія изъ Новочеркасска подъ начальствомъ Походнаго Атамана Генералъ-Маіора Попова.

Изъ Ростова добровольцы двинулись на Аксай, казачье населеніе котораго ихъ встрѣтило крайне враждебно. 10-го февраля, переправившись по трещавшему льду черезъ Донъ, Армія вошла въ станицу Ольгинскую.

Обстановка, при которой начался походъ, была сложна, необычна и крайне неопредѣленна. О центральной Россіи, гдѣ положеніе мѣнялось съ каждымъ днемъ, не было никакихъ, даже приблизительныхъ, данныхъ. Свѣдѣнія о Кубани носили самый неясный характеръ: тамъ должна была формироваться Кубанская Армія, но въ какомъ она находилась состояніи и что дѣлала, никто толкомъ не зналъ. Съ находившимся на Кубани Генераломъ И. Г. Эрдели связь утратилась.

Въ Ольгинской Армія подсчитала свои наличныя силы и была нѣсколько переформирована.

Три пѣхотныхъ полка (Офицерскій, Партизанскій и Ударный Корниловскій) общей численностью около двухъ съ половиной тысячъ, два конныхъ отряда (полковниковъ Гершельмана и Глазенапа), всего до двухсотъ коней, восемь легкихъ орудій, очень мало патроновъ и снарядовъ и колоссальный обозъ для будущихъ больныхъ и раненыхъ, — вотъ все, чѣмъ была тогда Армія.

По масштабу настоящей войны это равнялось двумъ батальонамъ пѣхоты, полутора эскадронамъ и двумъ батареямъ.

14-го февраля Армія выступила изъ Ольгинской въ станицу Хомутовскую и остановилась въ ней на ночлегъ.

Въ эти дни Алексѣевъ и Корниловъ еще не приняли окончательнаго рѣшенія относительно своихъ дальнѣйшихъ плановъ.

Велись переговоры съ Донскимъ Походнымъ Атаманомъ, склонявшимся къ тому, чтобы уйти въ Задонскія степи, гдѣ суровая природа, высокій духъ добровольцевъ и искусство начальниковъ, — давали преимущество надъ многочисленными полчищами большевиковъ, трудно переносившихъ лишенія, неохотно воевавшихъ и неспособныхъ къ маневрированію.

Численность казаковъ Попова достигала двухъ тысячъ человѣкъ, и было, конечно, важно, чтобы эта сила вошла также въ составъ Арміи. Но у донцовъ было свое тяготѣніе къ Дону и къ близкимъ пустыннымъ степямъ Сальскаго округа, а еще большее тяготѣніе къ самостоятельности.

Поэтому замѣчалось еще и другое, какъ бы примиряющее, рѣшеніе совмѣстныхъ дѣйствій, при чемъ Поповъ предполагалъ уйти въ Сальскій округъ въ глухіе „Зимовники“, а добровольцы въ степи, нѣсколько южнѣе. Мотивомъ къ такому плану служило еще и то соображеніе, что большевизмъ на Дону и вблизи Дона не будетъ затяжнымъ, Армія успѣетъ отсидѣться, кочуя въ далекихъ и бездорожныхъ степяхъ, пополнится коннымъ составомъ и, въ благопріятный моментъ, сможетъ вернуться на Донъ, чтобы продолжать свою борьбу въ болѣе лучшихъ условіяхъ.

Въ предвидѣніи такого плана въ Задонье былъ отправленъ и отрядъ Гершельмана въ 180 человѣкъ съ цѣлью ремонтированія. Съ уходомъ Гершельмана, вся наличная конница представлялась въ видѣ коннаго „отряда“ Глазенапа въ составѣ тринадцати персонъ разнаго возраста, чина и даже пола.

IV

Большевики, занявши Ростовъ, давно манившій ихъ соціалистическіе аппетиты, принялись со всѣмъ пыломъ за „гражданскія дѣла", потроша „буржуевъ", которые ругательски ругали Корнилова за то, что онъ „ихъ бросилъ", и смиренно платили дань свирѣпымъ краснымъ завоевателямъ.

Только черезъ нѣсколько дней, отойдя отъ разбойнаго угара, большевики спохватились о преслѣдованіи добровольцевъ.

Армія также пока не опасалась такого преслѣдованія. Во время стоянки въ Ольгинской находившійся при штабѣ „безъ опредѣленныхъ занятій" Деникинъ указывалъ на необходимость выставить къ сѣверу охраненіе; но охраненія не было какъ въ Ольгинской, такъ и въ Хомутовской.

Въ ночь ночлега Арміи въ Хомутовской Глазенапъ получилъ отъ Генерала А. П. Богаевскаго записку съ просьбой привезти изъ Ольгинской оставленное имъ тамъ пальто, а черезъ нѣкоторое время, какъ бы въ подтвержденіе мирныхъ намѣреній почтеннаго А. П., было получено приказаніе Корнилова: „конницѣ пройти въ Ольгинскую и узнать, есть ли тамъ большевики".

Еще до разсвѣта отрядъ Глазенапа выступилъ изъ Хомутовской. Впереди двигался „авангардъ" подъ командой Войскового Старшины А., въ составѣ четырехъ коней. Передъ разсвѣтомъ, пройдя отъ Хомутовской версты двѣ, отрядъ наткнулся на густыя цѣпи большевиковъ, встрѣтившихъ глазенаповскій „авангардъ" частымъ огнемъ. „Авангардъ" не выдержалъ, понесся и исчезъ въ просторѣ степного приволья. „Главныя силы" свернули въ сторону, чтобы зайти съ тыла и выяснить противника. Между тѣмъ часть большевиковъ уже подходила къ окраинѣ Хомутовской и открыла огонь по обозу. Большевистская артиллерія также начала бить по станицѣ. Въ обозѣ поднялась паника, быстро остановленная крѣпкими словами Алексѣева и Корнилова. Немедленно вышедшая пѣхота дала большевикамъ должный отпоръ, и они отошли обратно.

„Конница" Глазенапа, уменьшенная оторвавшимся „авангардомъ", — пройдя къ Ольгинской съ фланга, обнаружила значительныя силы спѣшенной большевистской конницы съ двумя-тремя орудіями.

Какъ оказалось, это была перешедшая на сторону большевиковъ бригада 4-ой кавалерійской дивизіи, въ то время — цвѣтъ ихъ военной силы, такъ какъ являлась не случайнымъ сбродомъ, а организованной воинской частью.

Въ этотъ же день Армія двинулась на Кагальницкую.

Отрядъ Глазенапа, усилившійся подошедшими еще добровольцами и казаками, а также увеличенный Корниловымъ, подчинившимъ Глазенапу конныхъ чиновъ Корниловскаго полка, сотню подъесаула Бокова и сотню имени Бакланова, возросъ до трехсотъ коней. Этотъ отрядъ былъ оставленъ Корниловымъ въ Хомутовской въ качествѣ арьергарда и для прикрытія нѣкотораго имущества, еще не вывезеннаго добровольцами изъ Хомутовской.

Черезъ сутки Глазенапъ вышелъ изъ Хомутовской, которую вскорѣ заняли большевики.

Между тѣмъ Армія, благополучно перейдя днемъ желѣзную дорогу, двигалась черезъ Кагальницкую и Мечетинскую къ Егорлыцкой, гдѣ была назначена дневка.

Когда Армія выходила изъ Кагальницкой, то находившійся въ прикрытіи отрядъ Глазенапа задержался и выступилъ спустя два часа. Преслѣдовавшіе большевики, не видя серьезнаго сопротивленія, обнаглѣли, вошли въ Кагальницкую и продолжали двигаться дальше.

Между Кагальницкой и Мечетинской Глазенапъ, оставивъ впереди жидкую лаву, быстро отошелъ и, занявъ спѣшенными людьми съ четырьмя пулеметами поросшіе кустами холмики по сторонамъ широкой балки, — устроилъ засаду.

Большевики, видя передъ собой ничтожную отступающую лаву, шли на нее нахально, безъ дозоровъ и, увлеченные своимъ преслѣдованіемъ, безпечно втянулись въ лощину балки. Открытый одновременно ружейный и пулеметный огонь произвелъ сумятицу въ конницѣ красныхъ.

На мѣстѣ боя осталось около двухсотъ большевиковъ, прочіе повернули вспять и уже больше не совались.

V

Въ Егорлыцкой армію ждало непріятное извѣстіе.

39-я пѣх. дивизія, нѣкогда доблестно сражавшаяся на Кавказскомъ фронтѣ, перебивъ и разогнавъ офицеровъ, примкнула къ большевикамъ и составила ихъ главнѣйшую, наиболѣе прочную силу, на сѣверномъ Кавказѣ.

Часть этой дивизіи, посланная противъ добровольцевъ, сосредоточилась въ раіонѣ ставропольскаго селенія Лежанки, гдѣ усилилась мобилизованной молодежью изъ распропагандированныхъ солдатъ и угрожала Добровольческой Арміи.

Нѣкоторые старшіе начальники докладывали Корнилову о нежелательности встрѣчи съ такимъ серьезнымъ противникомъ.

Къ тому же, прибывшая изъ Лежанки депутація просила Корнилова не идти въ это селеніе, ссылаясь на рѣшеніе большевиковъ и мобилизованныхъ ими крестьянъ не пропустить добровольцевъ.

Но Корниловъ, учитывая, что встрѣча съ этой группой красныхъ все равно неизбѣжна и можетъ произойти впослѣдствіи еще при болѣе худшихъ условіяхъ, рѣшилъ самъ разбить большевиковъ.

22-го февраля армія выступила изъ Егорлыцкой на Лежанку.

Впереди шелъ отрядъ Глазенапа, получившій задачу сдѣлать глубокій обходъ съ юга и зайти въ тылъ противнику.

Когда головная часть пѣхоты достигла холмовъ, закрывавшихъ гладкую равнину съ пересѣкающей ее рѣчкой, за которой находилась Лежанка, большевики открыли яростный огонь.

Быстро развернувшись, Корниловскій и Офицерскій полки, безъ перебѣжекъ, идя въ полный ростъ, непосредственно сопровождаемые нѣсколькими орудіями, ринулись на Лежанку.

Не ожидавшіе такой атаки и не представлявшіе себѣ ея возможности, красные дрогнули и начали отходить. Ободренные успѣхомъ добровольцы бросились въ стремительное преслѣдованіе и ворвались въ селеніе, на ходу избивая ошеломленныхъ большевиковъ. Бой былъ настолько скоротеченъ, пѣхота атаковала такъ стремительно, что вышедшая въ тылъ конница лишь успѣла ударить по хвостамъ бѣгущихъ. Большевистскіе-же комисары и начальники въ полной паникѣ унеслись верхами и на повозкахъ, увлекая за собой одурѣвшихъ отъ страха красноармейцевъ.

Этотъ бой, произведя потрясающее впечатлѣніе на лучшія большевистскія части, невѣроятно поднялъ духъ добровольцевъ, понесшихъ къ тому же и ничтожныя потери: трое убитыхъ и семнадцать раненыхъ.

Большевики оставили въ Лежанкѣ добычу и около шестисотъ труповъ.

VI

Очень часто нѣкоторые люди сравниваютъ военное искусство съ искусствомъ шахматной игры.

Но между ними есть существенное различіе, а именно то, что при шахматной игрѣ оба противника не только знаютъ заранѣе опредѣленное число участвующихъ фигуръ, но и видятъ ихъ передвиженіе, тогда какъ на войнѣ силы противника трудно уловимы. Кромѣ того, шахматныя фигуры обладаютъ только опредѣленными способностями движенія и въ узкихъ предѣлахъ шахматной доски. Въ передвиженіи-же войскъ число комбинацій неисчислимо, а сами передвиженія совершаются въ условіяхъ обстановки, т. е. въ сочетаніи огромнѣйшаго количества данныхъ, на которыхъ строится рѣшеніе. Эти данныя могутъ быть извѣстны, и тогда рѣшеніе принимается просто и легко, но они или часть ихъ, могутъ быть и неизвѣстны, и тогда приходится принимать рѣшеніе на основаніи какихъ-то „неизвѣстныхъ". И вотъ въ такомъ послѣднемъ положеніи находилось командованіе Добровольческой Арміи по занятіи Лежанки. Это положеніе еще усугублялось тѣмъ, что у Арміи не было основной цѣли. И, слѣдовательно, не рѣшеніе должно было вытекать изъ цѣли и создавшейся обстановки, а, наоборотъ, сама будущая цѣль зависѣла отъ создавшихся условій, бывшихъ неясными и сбивчивыми.

Двигаться на сѣверъ считалось невозможнымъ, такъ какъ на пути стояли Донъ и нижнее Поволжье, охваченные большевизмомъ: идти въ степи съ цѣлью отсидѣться было рискованно, потому что такое сидѣнье, въ случаѣ затяжки большевизма, могло быть продолжительнымъ и отрѣзывало Армію отъ всего міра; на Кубани было смутно, но въ этомъ смутномъ чудилась надежда. Слабые слухи о готовности кубанскихъ казаковъ сбросить большевизмъ и наличіи Кубанской Правительственной Арміи эту надежду увеличивали.

Въ общемъ плохо было всюду, и въ то же время нужно было рѣшиться.

И Корниловъ рѣшился — итти на Кубань.

Добровольцы слѣпо шли за своимъ вождемъ, ввѣривъ ему свою судьбу и не спрашивая, куда онъ ихъ поведетъ.

Фактически Армія, уйдя отъ большевиковъ съ Дона, шла на большевиковъ, засѣвшихъ на Кубани.

Отъ похода на Кубань донцы Генерала Попова отказались и остались въ Задоньѣ, оторвавшись навсегда отъ Корнилова.

Изъ Лежанки Армія повернула на юго-западъ и вошла въ Кубанскую область.

Въ то время главнымъ врагомъ Арміи были желѣзныя дороги, находившіяся во власти большевиковъ. Пользуясь ими, красные имѣли возможность быстро перебрасывать свои части, подвозить все необходимое, а кромѣ того, владѣя значительнымъ количествомъ броневыхъ поѣздовъ съ дальнобойной артиллеріей, они легко могли наносить пораженіе добровольцамъ при переходѣ послѣднихъ черезъ желѣзподорожныя линіи.

Это вынуждало Армію сторониться желѣзныхъ дорогъ, а, въ случаѣ необходимости перехода черезъ нихъ, дѣлать такіе переходы скрытно, по большей части ночью, обезопасивъ себя еще перерывомъ пути по обѣ стороны перехода.

Передъ выступленіемъ Арміи изъ Лежанки Корниловъ, чтобы ввести большевиковъ въ заблужденіе относительно направленія своего движенія, выслалъ подъ видомъ авангарда на югъ, на село Бѣлую Глину, конницу Глазенапа.

Вся-же Армія свернула на юго-западъ на станицу Плоскую и затѣмъ двинулась къ желѣзной дорогѣ съ тѣмъ, чтобы перейти ее между Тихорѣцкой и Сосыкой. При этомъ движеніи, чтобы обмануть большевиковъ, среди мѣстныхъ жителей, бывшихъ въ постоянной связи съ большевиками, распространялись слухи о движеніи Арміи на Тихорѣцкую.

Съ этой-же цѣлью Армія, перейдя изъ Плоской въ Незамаевскую, двинулась изъ послѣдней станицы по Тихорѣцкой дорогѣ и уже съ пути, ночью, повернула и миновала желѣзную дорогу вблизи Новолеушковской.

Передъ самымъ переходомъ путь къ сѣверу и къ югу отъ мѣста перехода былъ взорванъ.

Дальнѣйшее движеніе Армія совершила черезъ Старолеушковскую, Ираклієвскую, Березанскую и Журавскую. Это разстояніе было пройдено сравнительно спокойно. Съ одной стороны большевики не разгадали маневра Корнилова отъ Лежанки, а съ другой сосредоточивались сами къ Екатеринодару, гдѣ во второй половинѣ февраля имъ пришлось драться съ Кубанской Правительственной Арміей.

VII

Кубанская область встрѣтила добровольцевъ, если и не враждебно, то во всякомъ случаѣ только „нейтрально".

Волны революціи еще не уходились, и на ихъ поверхности носилась всякая поднятая со дна нечисть, мутившая казаковъ. Нѣкоторые казаки, особенно изъ стариковъ, не прочь были посочувствовать добровольцамъ, оказать имъ радушіе, но не больше. Къ Арміи присоединялись единичные люди, да и то съ большой опаской.

О поднятіи „войска" нечего было и думать.

Теплилась лишь надежда на соединеніе съ Кубанской Арміей и совмѣстное съ нею взятіе Екатеринодара. Только еще захватъ центра области могъ бы показать казакамъ воочію силу добровольцевъ и отрезвить отравленные революціей умы.

Въ первыхъ числахъ марта, когда Корниловъ находился въ раіонѣ Журавской, было получено свѣдѣніе, что Кубанская Армія, потерпѣвъ пораженіе отъ большевиковъ, отошла къ югу отъ Екатеринодара.

На самомъ-же дѣлѣ было то, что, какъ добровольцы, тѣснимые большевиками, должны были оставить Ростовъ и двинуться на Кубань, расчитывая встрѣтиться съ кубанскими казаками, такъ и кубанцы, выгнанные большевиками изъ Екатеринодара, пошли въ тѣ-же степи, надѣясь въ нихъ найти добровольцевъ.

Въ раіонѣ-же Журавской выяснилось, что въ послѣднихъ числахъ февраля, т. е. незадолго до прихода добровольцевъ въ Журавскую, вблизи ея, около ст. Выселки, части Кубанской Арміи вели бои съ большевиками и, потерпѣвъ неудачу, отошли къ югу.

Въ то-же время развѣдка обнаружила, что раіонъ ст. Выселки занятъ красными.

Посланный Корниловымъ Нѣжинцевъ занялъ со своими Корниловцами ст. Выселки, выгнавъ оттуда большевиковъ. Въ тотъ-же день Корниловскій полкъ отъ Выселокъ отошелъ, а его смѣнилъ конный дивизіонъ Гершельмана, къ тому времени уже вернувшійся изъ Задонскихъ степей и присоединившійся къ Арміи.

Ночью большевики обстрѣляли Выселки. Дивизіонъ, не разобравшись въ ночной обстановкѣ, очистилъ Выселки и отошелъ на хутора въ раіонѣ Журавской.

На другой день выселки были заняты снова Марковымъ; въ бою этомъ Партизанскій полкъ понесъ серьезныя потери.

Корниловъ, узнавъ объ отходѣ изъ Выселокъ дивизіона безъ напора противника, жестоко обрушился на Гершельмана, которому пришлось выслушать и даже прочесть въ приказѣ весьма энергичныя замѣчанія Командующаго.

Обстановка для добровольцевъ сложилась крайне неблагопріятно. Боевые запасы были уже на исходѣ. Соединеніе съ Кубанской Арміей отдалилось на неопредѣленное время, даже возможность такого соединенія становилась гадательной.

Въ ближайшемъ-же будущемъ предстояла встрѣча съ сильнымъ отрядомъ большевиковъ численностью до 12-16 тысячъ, сосредоточившихся въ раіонѣ станицы Кореновской.

Не видя другого исхода, Корниловъ рѣшился продвигаться далѣе, все-же на соединеніе съ кубанцами, и 3-го марта отдалъ приказъ о наступленіи на Кореновскую.

На другой день Армія снова двинулась впередъ.

Не дойдя до Кореновской, авангардъ столкнулся съ передовыми частями противника, и добровольцы съ боемъ продолжали наступать на станицу.

Станица оказалась сильно укрѣпленной. Окопы были вырыты въ нѣсколько линій.

Корниловскій полкъ повелъ, какъ всегда, энергичное наступленіе, но встрѣченный сильнымъ ружейнымъ огнемъ и густыми цѣпями перешедшихъ въ контръ-атаку большевиковъ, не выдержалъ и остановился. Ободренные большевики, поддерживаемые своей многочисленной артиллеріей, яростно обрушились на правый флангъ добровольцевъ, гдѣ Партизанскій полкъ съ трудомъ отбивалъ ихъ атаки.

Бой принялъ ожесточенный характеръ. Положеніе добровольцевъ было, особенно тяжело вслѣдствіе недостатка боевыхъ припасовъ. Въ то время какъ артиллерія красныхъ бросала снаряды безъ счета, добровольческія орудія отвѣчали лишь одиночными выстрѣлами.

Пока на фронтѣ шелъ упорный бой, Марковъ находившійся съ Офицерскимъ полкомъ на лѣвомъ флангѣ, двинулся въ обходъ, стараясь охватить станицу съ сѣверо-восточной стороны. Офицерскому полку пришлось наступать вдоль желѣзной дороги. Едва его части достигли окоповъ красныхъ, какъ показался броневой поѣздъ. Положеніе могло сдѣлаться катастрофическимъ: если бы броневой поѣздъ продвинулся впередъ, то онъ сталъ бы прострѣливать во флангъ и даже съ тыла почти весь фронтъ добровольцевъ. Марковцы испортили наскоро путь и затѣмъ съ близкаго разстоянія обстрѣляли поѣздъ. Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ отошелъ назадъ. Офицерскій полкъ снова бросился впередъ, сбилъ большевиковъ и ворвался въ станицу. Съ фронта нажали Корниловцы и Партизаны, и Кореновская была взята.

Вышедшій въ тылъ дивизіонъ Глазенапа произвелъ окончательную панику въ рядахъ большевиковъ.

Успѣхъ подъ Кореновской, помимо моральнаго значенія, какъ для большевиковъ, не ожидавшихъ такого натиска со стороны Арміи, такъ и для послѣдней, сломившей огромныя силы противника, — имѣлъ еще значеніе и по захваченной добычѣ: добровольцамъ досталось много военнаго имущества, а главное — складъ снарядовъ и патроновъ.

Потери большевиковъ были значительны, но не малыми онѣ были и у добровольцевъ.

Базируясь на желѣзную дорогу Екатеринодаръ-Тихорѣцкая, большевики отошли послѣ боя у Кореновской вдоль желѣзнодорожной линіи къ станицѣ Платнировской.

Послѣ дневки Корниловъ выслалъ для демонстраціи конницу Глазенапа въ направленіи на Платнировскую. Остальная-же Армія ночью быстро перешла желѣзную дорогу и черезъ Раздольную ускореннымъ маршемъ направилась на Усть-Лабинскую.

Ведя въ теченіе цѣлаго дня бои съ охватывающимъ со всѣхъ сторонъ противникомъ, Армія къ вечеру, перейдя желѣзнодорожную линію Екатеринодаръ-Кавказская и взявъ послѣ упорнаго боя Усть-Лабинскую, переправилась черезъ Кубань и сосредоточилась въ Некрасовской.

Прикрываясь съ тыла Кубанью, Армія простояла здѣсь два дня: непрерывные бои и переходы требовали дать отдыхъ.

VIII

Во время боя у Усть-Лабинской и затѣмъ на стоянкѣ въ Некрасовской слышалась отдаленная орудійная стрѣльба. Отблески и гулъ выстрѣловъ указывали, что въ юго-западномъ направленіи шелъ бой. Опять пахнуло надеждой на скорое соединеніе съ кубанцами.

Въ теченіе всего похода штабъ Корнилова дѣлалъ неоднократныя попытки войти въ связь съ Кубанской Арміей. Съ этой цѣлью посылались отдѣльные люди и даже группы переодѣтыхъ офицеровъ. Но все пока было безрезультатно. Ни одинъ изъ посланныхъ не вернулся обратно и не прислалъ донесенія.

Вскорѣ по приходѣ Арміи въ Некрасовскую Корниловъ вновь приказалъ выслать къ кубанцамъ связь. На этотъ разъ были высланы два сильныхъ разъѣзда, по одному отъ дивизіоновъ Гершельмана и Глазенапа.

Отъ дивизіона Глазенапа отправился разъѣздъ въ пятнадцать коней подъ начальствомъ штабсъ-ротмистра Баугиса.

Послѣ нѣкоторыхъ скитаній между большевистскимъ расположеніемъ разъѣзду удалось найти Кубанскую Армію.

Кубанцы восторженно встрѣтили добровольческаго офицера.

Но вдругъ произошло совершенно неожиданное недоразумѣніе. Отсутствіе у Баугиса документовъ, не совсѣмъ щеголеватый видъ „обмундированія“ и еще въ добавокъ нерусскій акцентъ, вызвали сомнѣніе въ нѣкоторыхъ чинахъ штаба и особенно въ членахъ „правительства“, заподозрѣвшихъ въ Баугисѣ подосланнаго большевика. Особенно заволновались „общественные дѣятели“, къ хору которыхъ присоединилась и громовая октава М. В. Родзянко, путешествовавшаго совмѣстно съ Кубанской Арміей.

Въ результатѣ храбраго штабсъ-ротмистра посадили подъ крѣпкій караулъ. Болѣе-же ретивые даже настаивали на его разстрѣлѣ.

Послѣ ряда просьбъ попавшаго въ такую глупую исторію Баугиса, штабъ Арміи послалъ по указанному имъ направленію нѣсколькихъ развѣдчиковъ. Одинъ изъ нихъ и наткнулся на добровольцевъ, недалеко отъ станицы Рязанской.

Наконецъ-то связь была установлена.

Отъ прибывшаго развѣдчика узнали, что части кубанцевъ находятся въ раіонѣ станицы Калужской.

Армія пережила минуты новаго подъема духа и, казалось, забыла о всѣхъ перенесенныхъ невзгодахъ.

Но главныя испытанія были впереди.

Послѣ тяжелаго перехода по горной мѣстности, черезъ рядъ черкесскихъ ауловъ, продолжая отбиваться отъ сыпавшихся отовсюду, какъ изъ мѣшка, большевиковъ, Армія 13-го марта достигла аула Шенжи.

14-го марта въ Шенжи состоялось свиданіе Корнилова съ Покровскимъ, командовавшимъ Кубанской Арміей.

Вмѣстѣ съ Покровскимъ прибылъ и Эрдели.

Кубанская Армія вошла въ подчиненіе къ Корнилову; общій ея составъ доходилъ до двухъ тысячъ человѣкъ.

Рѣшивъ на слѣдующій день перейти въ наступленіе, Корниловъ приказалъ кубанцамъ наступать отъ Калужской, а добровольцамъ отъ Шенжи на Новодмитріевскую, съ цѣлью охватить ее съ двухъ сторонъ.

Добровольческіе обозы получили распоряженіе перейти въ Калужскую.

IX

15-го марта начался такъ называемый „ледяной походъ“.

Съ утра при рѣзкомъ порывистомъ вѣтрѣ шелъ сильный дождь. Вскорѣ похолодѣло, дождь смѣнился мокрымъ снѣгомъ. Къ полудню поднялась настоящая мятель, и вся мѣстность потонула въ бѣломъ вихрѣ разыгравшейся зимней вьюги.

Чтобы ввести противника въ заблужденіе, Корниловъ выслалъ съ разсвѣтомъ дивизіонъ Глазенапа въ направленіи на ст. Энемъ, Армія же двинулась на Новодмитріевскую.

Шедшій въ авангардѣ Офицерскій полкъ передъ Новодмитріевской былъ обстрѣлянъ большевистской артиллеріей. Полкъ развернулся и повелъ наступленіе. Находившаяся передъ станицей горная рѣчка разлилась. Быстрое теченіе снесло всѣ мосты, и передъ добровольцами выросло неожиданное препятствіе, находившееся подъ огнемъ красныхъ, занявшихъ противоположный крутой берегъ разбушевавшейся рѣки.

Офицерскій полкъ подъ командой Маркова, не долго раздумывая, бросился въ воду и по-горло въ водѣ перешелъ бушующую рѣку съ плывущими по ней льдинами.

Большевики, совершенно потрясенные такой сверхъестественной атакой, въ паникѣ побѣжали къ станицѣ. На ихъ плечахъ ворвались Марковцы и врасплохъ захватили бывшіе въ станицѣ резервы красноармейцевъ, сидѣвшихъ въ хатахъ и менѣе всего думавшихъ о возможности наступленія въ такую погоду. Стрѣльба-же у рѣки не была ими услышана за шумомъ бури.

Вслѣдъ за Офицерскимъ полкомъ подошли и другія части пѣхоты.

Опомнившіеся отъ страха большевики собрались на противоположной окраинѣ станицы и открыли стрѣльбу. Но, послѣ небольшого боя, они очистили Новодмитріевскую и отошли къ западу на ближайшіе хутора.

Дивизіонъ Глазенапа, дойдя до Энемъ, вступилъ въ бой съ большевиками. Продемонстрировавъ нужное время, Глазенапъ, пользуясь мятелью, сталъ незамѣтно для красныхъ отходить къ Новодмитріевской. На несчастье проводникъ сбѣжалъ, головная застава сбилась съ пути, и только къ вечеру, наткнувшись на брошенныя повозки обоза, дивизіонъ оріентировался на какую-то занесенную снѣгомъ дорогу и по ней дошелъ до Калужской. Давъ конямъ короткій отдыхъ, Глазенапъ къ ночи добрался къ Новодмитріевской.

Только что измученные, насквозь промокшіе и обледенѣлые добровольцы разошлись по квартирамъ и заснули, какъ станица начала обстрѣливаться. Усталость, ночь, стужа съ пронизывающимъ вѣтромъ и ночная стрѣльба, — все смѣшалось въ какой-то адъ.

Оказалось, что большевики, окружившие Новодмитріевскую съ юга и съ запада, снова повели наступленіе. Но и на этотъ разъ добровольцы отбили красныхъ и силою оружія отвоевали себѣ ночлегъ. Большевики отошли.

Пока происходила эта боевая трагедія, Кубанская Армія сидѣла по хатамъ въ станицѣ Калужской и очень неохотно уступала часть своихъ квартиръ для пришедшаго туда обоза съ ранеными добровольцами.

Какъ выяснилось, кубанцы выступили согласно приказа Корнилова изъ Калужской, подошли къ какой-то разлившейся рѣкѣ и даже попробовали перейти ее въ бродъ. Но видя, что ихъ кони не желаютъ итти въ ледяную воду, — сочли лошадиную волю достаточнымъ поводомъ къ избавленію себя отъ дальнѣйшихъ искушеній судьбы и вернулись обратно. Когда же вечеромъ и ночью до Калужской доносилась со стороны Новодмитріевской непрерывная стрѣльба, то и тутъ осторожные кубанцы рѣшили выждать.

Въ военной практикѣ Корнилова это былъ, вѣроятно, первый случай неисполненія боевого приказа.

На другой день Корниловъ вытащилъ въ Новодмитріевскую кубанскія части.

X

Съ присоединеніемъ кубанцевъ, послѣдніе вошли въ составъ Добровольческой Арміи, которая была переформирована.

Пѣхота составила двѣ бригады, 1-ю — изъ Офицерскаго и Кубанскаго стрѣлковыхъ полковъ подъ командой Маркова, и 2-ю — изъ Партизанскаго и Корниловскаго — подъ командой Богаевскаго. Обѣ бригады получили также и свою артиллерію.

Конница была сведена въ конную бригаду въ составѣ 1-го (Гершельмана) и 2-го (Глазенапа) дивизіоновъ, 1-го Кубанскаго казачьяго и 1-го Черкесскаго коннаго полковъ. Командиромъ бригады былъ назначенъ Эрдели.

Командовавшій Кубанской Арміей Покровскій, произведенный Кубанскимъ правительствомъ изъ штабсъ-капитановъ въ полковники, а затѣмъ въ генералъ-маіоры, командной должности не получилъ.

Кубанская Рада и правительство пристроились къ обозу Арміи.

Въ этотъ же день вечеромъ Корниловъ выслалъ бригаду Богаевскаго съ приданнымъ ей дивизіономъ Глазенапа очистить отъ противника раіонъ хуторовъ къ западу отъ Новодмитріевской.

Этотъ раіонъ представлялъ изъ себя пересѣченную мѣстность, покрытую мѣстами кустарникомъ, мѣстами болотистыми проплѣшинами, среди которыхъ въ безпорядкѣ были густо насажены хутора. Запутанныя и при томъ лишь слегка обозначенныя дороги еще болѣе усложняли оріентировку.

Въ соотвѣтствіи съ мѣстностью было и населеніе, состоявшее изъ всякихъ народовъ до грековъ включительно.

Вся эта полоса хуторовъ кишмя кишѣла красной нечистью, появлявшейся отовсюду, какъ черти изъ болота.

Въ теченіе цѣлой ночи и всего слѣдующаго дня при отвратительной погодѣ Богаевскій исполнялъ данную ему задачу, дерясь на всѣ четыре стороны съ насѣдающими большевиками. Къ вечеру пѣхота выбила красныхъ изъ Григорьевской и оставалась въ ней до 26-го марта.

На этотъ день Корниловъ назначилъ атаку Георгіе-Афипской.

Богаевскому было приказано атаковать станицу со стороны Григорьевской, а Маркову, — со стороны Новодимитріевской.

Обѣимъ бригадамъ предстояло пересѣчь желѣзную дорогу. Для обезпеченія перехода черезъ желѣзнодорожную линію Корниловъ приказалъ взорвать мосты: Гершельману — у ст. Энемъ, а Глазенапу къ западу отъ Георгіе-Афипской.

Дивизіонъ Глазенапа, двинувшись къ мостамъ, нарвался на значительныя силы большевиковъ. Видя невозможность добраться до моста, Глазенапъ, выставивъ заслонъ въ сторону противника, быстро испортилъ путь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, когда встревоженные этимъ большевики выслали броневой поѣздъ, то послѣдній не смогъ продвинуться по изуродованному полотну и повернулъ обратно.

Дивизіонъ-же присоединился къ спокойно перешедшей дорогу бригадѣ Богаевскаго и продолжалъ наступать вмѣстѣ съ ней, прикрывая ея лѣвый флангъ.

Въ бригадѣ Маркова дѣло обстояло хуже. Гершельманъ наскочилъ также на большевиковъ и сдѣлалъ попытку овладѣть съ боемъ ст. Энемъ. Ничтожныя силы дивизіона не выдержали огня и отступили. Большевики-же немедленно пустили броневой поѣзъ и, когда еще Гершельманъ, оттѣсненный отъ насыпи, не успѣлъ сообщить о происшедшемъ Маркову, — бригаду послѣдняго началъ настигать броневикъ. Понеся серьезныя потери, Марковцы разобрали путь въ ручную и съ большимъ трудомъ совершили переходъ.

Георгіе-Афипская была взята, и весь день 26-го марта Армія провела въ ней.

Узнавъ о ходѣ боя, Корниловъ хотѣлъ предать Гершельмана суду, но затѣмъ ограничился отрѣшеніемъ его отъ должности. Его конный дивизіонъ былъ присоединенъ къ дивизіону Глазенапа, и оба дивизіона составили 1-й Конный полкъ.

Нельзя не упомянуть, что Гершельманъ принадлежалъ къ числу, такъ называемыхъ, „несчастливыхъ" начальниковъ. Ему фатально не везло. Но это былъ честный и храбрый офицеръ, окончившій свое земное поприще въ бою. Онъ былъ убитъ весной 1919-го года подъ с. Асканія-Нова, Таврической губерніи, въ должности командира кавалерійскаго полка.

Въ тотъ-же день, крайне скупой на похвалу, Корниловъ отдалъ приказъ съ объявленіемъ благодарности Глазенапу за неизмѣнную его твердость, доблесть и мужество.

Такими словами охарактеризовалъ дѣйствія Глазенапа суровый Командующій, ни до, ни послѣ этого не объявившій открыто никому своей благодарности.

XI

Въ послѣднихъ числахъ марта Армія подошла къ Екатеринодару.

Съ большимъ трудомъ совершалась переправа на маленькихъ паромахъ. Глубокая и быстрая Кубань не допускала возможности переправы даже для конницы.

Въ первую очередь переправились Корниловцы и Партизаны.

Вслѣдъ за ними начали переправу полки — 1-й Конный и 1-й Кубанскій.

Овладѣвъ почти безъ боя ст. Елизаветинской, пѣхота начала продвигаться къ Екатеринодару, обезпечивая Кубанью свой правый флангъ. Лѣвѣе ихъ наступала конница.

Часть бригады Маркова и Черкесскій конный полкъ остались въ арьергардѣ, прикрывая обозы.

Высланные Глазенапомъ разъѣзды донесли, что между Елизаветинской и Екатеринодаромъ они значительныхъ силъ противника не обнаружили.

Начало наступленія было удачно. Добровольцы, оттѣснивъ передовыя части красныхъ, подошли къ окраинамъ города. Здѣсь уже начался упорный бой. Однако, сломивъ упорство большевиковъ стремительнымъ натискомъ, пѣхота ворвалась въ предмѣстье города. Лѣвѣе и конница послѣ жаркаго боя, то въ конномъ, то въ пѣшемъ строю продвинулась въ городъ, и части 1-го Коннаго полка достигли Черноморскаго вокзала.

Исходя изъ создавшейся обстановки, Богаевскій рѣшилъ продолжать наступленіе, дабы, не давая большевикамъ передышки, ворваться на ихъ плечахъ въ Екатеринодаръ.

О своемъ соображеніи Богаевскій послалъ донесеніе Корнилову, прося вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать его успѣшно развивавшееся наступленіе какой-либо свѣжей пѣхотной частью.

Отъ Корнилова послѣдовало категорическое распоряженіе закрѣпиться на занимаемыхъ мѣстахъ и начать общій штурмъ Екатеринодара по особому приказу.

Въ это время къ Екатеринодару подходили все новыя и новыя подкрѣпленія большевиковъ. Силы красныхъ доходили до шестидесяти тысячъ. Ихъ многочисленная артиллерія осыпала добровольцевъ дождемъ снарядовъ. Въ отвѣтъ-же раздавались одиночные выстрѣлы добровольческихъ батарей, экономившихъ жалкіе остатки своихъ боевыхъ запасовъ.

Пѣхота, тоже съ нѣсколькими патронами на стрѣлка, съ трудомъ удерживалась подъ бѣшенымъ ружейнымъ огнемъ противника.

Бой затянулся. Введенная уже позже въ дѣло бригада Маркова, не смотря на весь героизмъ ея состава, едва держалась.

Ряды добровольцевъ рѣдѣли. 30-го марта погибъ одинъ изъ героевъ Арміи, командиръ Корниловцевъ подполковникъ Нѣженцевъ. Корниловскій полкъ принялъ полковникъ Кутеповъ, не занимавшій въ это время никакой должности.

Положеніе становилось тягостнымъ.

Утромъ 31-го марта общій штурмъ долженъ былъ рѣшить дѣло.

Но Богъ судилъ иначе. На разсвѣтѣ 31-го большевистская граната пресѣкла жизнь Корнилова........

XII

Растянутыя въ нитку части Эрдели (1-й Конный и 1-й Кубанскій казачій полки) къ утру 31 марта, потѣсненные свѣжими войсками большевиковъ, нѣсколько отступили.

Въ предвидѣніи назначеннаго штурма конница вся была собрана въ кулакъ и стояла въ виду Екатеринодара, ожидая приказа о наступленіи.

Но вмѣсто ожидаемаго приказа Эрдели получилъ извѣстіе о смерти Корнилова.

Послѣ полудня Деникинъ, сообщая Эрдели о создавшейся обстановкѣ, передавалъ ему свое рѣшеніе отойти отъ Екатеринодара. Указывая при этомъ задачу, возлагаемую на конницу, Деникинъ писалъ: „Конница должна пожертвовать собой для спасенія Арміи.“

Въ то время, когда части пѣхоты были еще далеко, какъ-бы на днѣ образовавшагося мѣшка, въ которомъ очутилась Армія, и оставшійся узкій выходъ съ минуты на минуту могъ затянуться, — на конницу выпала задача оттѣснить большевиковъ и дать возможность Арміи выйти изъ давившаго ее окруженія.

Раздумывать долго не приходилось, такъ какъ каждый моментъ приближалъ къ неминуемой катастрофѣ.

По вязкому болоту и тяжелой пахотѣ конница двинулась въ атаку на густыя цѣпи красныхъ пластуновъ. Впереди шелъ Кубанскій казачій полкъ, развернувшійся въ одну шеренгу, за нимъ въ двухшереножномъ строю — 1-й Конный. Большевики встрѣтили атаку выдержаннымъ огнемъ, а ихъ батарея стрѣляла по скачущей коннницѣ очередями.

Глазенапъ, скакавшій впереди своего Коннаго полка, вдругъ увидѣлъ, что ряды кубанцевъ рѣдѣютъ и что ихъ лава замедляетъ ходъ. Чувствуя весь ужасъ происходящаго, Глазенапъ вынесся впередъ во весь махъ коня, разсчитывая на то, что за нимъ дойдетъ до противника и полкъ.

Проскочивъ съ частью эскадроновъ сквозь опрокинутыя бѣшеной атакой цѣпи большевиковъ, Глазенапъ устремился прямо на батарею. Но въ это время подъ нимъ пала раненая лошадь.

Подскочившій къ нему сотникъ Чурюкинъ спѣшился и подсадилъ командира на своего коня. Оба они были далеко впереди.

Позади-же происходило нѣчто невѣроятное. Кучки большевиковъ бѣжали по всѣмъ направленіямъ, стрѣляя на ходу изъ винтовокъ. Среди нихъ носились конные и метались лошади безъ всадниковъ. За линіей бывшихъ цѣпей стояла брошенная большевиками батарея. Кругомъ шла отчаянная стрѣльба. Едва Глазенапъ немного отъѣхалъ, какъ былъ раненъ въ руку. Одновременно былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги и сотникъ Чурюкинъ, наскоро подсаженный Глазенапомъ на пойманную имъ лошадь.

Съ большимъ трудомъ среди этой сумятицы Глазенапъ, таща тяжело раненнаго Чурюкина, выбрался къ мѣсту атаки.

По всему пространству маячили всадники и небольшія ихъ группы. На мѣстѣ красныхъ цѣпей лежали трупы большевиковъ, а недалеко отъ нихъ убитые въ атакѣ всадники.

Большевики, понесшіе значительныя потери и потрясенные атакой, въ безпорядкѣ отходили.

Конница исполнила повелѣніе своего новаго Командующаго: изъ семисотъ человѣкъ 1-го Коннаго полка къ полковому значку собралось всего двѣсти; прочіе остались на мѣстѣ боя, пожертвовавъ собою для спасенія Арміи.

Въ числѣ погибшихъ была и доброволецъ 1-го Коннаго полка Баронесса Боде, извѣстная своей сказочной храбростью.

Готовое зажаться кольцо разжалось. Армія была спасена.

XIII.

Когда былъ убитъ Корниловъ, то положеніе Деникина представлялось настолько труднымъ, что нужно удивляться, какъ онъ изъ него вышелъ.

При жизни Корнилова Деникинъ не имѣлъ въ глазахъ Арміи никакого внѣшняго значенія и по создавшимся условіямъ не могъ ничѣмъ проявить себя передъ войсками. Войска-же видѣли всегда и во всемъ лишь одного Корнилова, и огромное большинство также не думало о замѣстителѣ своего Командующаго, какъ не думаетъ человѣкъ о замѣнѣ собственной головы, потеря которой для него равносильна смерти.

И потому, когда Корнилова не стало, тѣло Арміи было охвачено предсмертной тоской.

Если теорія военнаго искусства считаетъ, что успѣхъ на войнѣ на три четверти зависитъ отъ моральнаго состоянія войскъ, то для Добровольческой Арміи ея духъ имѣлъ всѣ сто процентовъ значенія, такъ какъ ея матеріальныя силы равнялись почти нулю.

Деникину пришлось принять Армію въ моментъ минимума ея моральныхъ силъ и даже при отрицательномъ количествѣ силъ матеріальныхъ, ибо послѣднія, слагаясь главнымъ образомъ изъ боеспособныхъ человѣческихъ элементовъ, перевѣшивались огромнымъ числомъ раненыхъ, т. е. небоеспособныхъ, составлявшихъ въ данномъ случаѣ именно отрицательную величину.

Истомленные, потерявшіе вѣру въ успѣхъ и въ свое личное спасеніе, окруженные превосходными силами красныхъ, угрожавшихъ зажать Армію въ крѣпкіе, уже сжимающіеся клещи, — войска пали духомъ.

Затихшая среди непрерывнаго ратнаго подвига, взращенная революціей склонность къ критикѣ, вспыхнула на мгновеніе вновь и отравила своимъ ядомъ смятенныя сердца. По рядамъ добровольцевъ пронесся шопотъ отчаянія.

Большевики, по ихъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, понесли подъ Екатеринодаромъ колоссальныя потери, всего до пятнадцати тысячъ человѣкъ, то есть четверть своего состава. Но остающіяся ихъ силы, хотя и потрепанныя, были все-же слишкомъ велики и своей массой могли вновь охватить и раздавить добровольцевъ.

Отъ Деникина требовалось немедленно какое-то дѣйствіе, и этимъ дѣйствіемъ былъ отходъ отъ Екатеринодара въ мрачную неизвѣстность, не сулившую впереди ничего хорошаго и ничего опредѣленнаго.

Опять передъ Арміей была степь, въ которой вой непогоды смѣшивался съ воемъ людей, правившихъ кровавый балъ въ честь краснаго дьявола.

Чтобы вывести Армію изъ новыхъ готовящихся ей тисковъ, прежде всего требовалась быстрота маршей.

Но Армія, возившая за собою раненыхъ, т.-е. ту свою отрицательную силу, какая не могла ни въ какую войну быть ея обузой, — не обладала способностью къ быстротѣ передвиженія, а слѣдовательно, не имѣла шансовъ на свое дальнѣйшее спасеніе.

Поэтому при отходѣ отъ Екатеринодара пришлось оставить часть раненыхъ, преимущественно съ тяжелыми раненіями. Это произвело тягостное впечатлѣніе. Люди, небоявшіеся смерти въ ежеминутной боевой опасности, тоскливо пугались возможности быть брошенными на растерзаніе большевиковъ.

И въ Арміи, и впослѣдствіе въ печати часто слышались жестокіе нападки на Деникина. Тѣ, кто писали и говорили, очевидно не хотѣли понять неизбѣжной необходимости такой мѣры, стоившей Деникину большихъ душевныхъ переживаній.

При этомъ очень часто, сравнивая Деникина съ Корниловымъ, заявляли, что Корниловъ никогда-бы не бросилъ своихъ раненыхъ. Если Деникину и пришлось рѣшиться на такое тяжкое мѣропріятіе, то почемъ знать, чтобы въ данномъ случаѣ сдѣлала-бы желѣзная рука Корнилова, не останавливавшагося вообще ни передъ чѣмъ.

А тотъ-же неумолимый рокъ заставилъ Корнилова, при выходѣ въ февралѣ изъ Ростова, оставить многихъ раненыхъ на Дону.

Единственно, можно было еще упрекнуть Деникина въ томъ, что онъ не отнялъ, для вывоза хотя-бы части раненыхъ, перевозочныхъ средствъ у нѣкоторыхъ „общественныхъ дѣятелей“ вродѣ Рябовола, братьевъ Макаренко, Быча и имъ подобныхъ.

Эти господа, бывшіе также отрицательной величиной Арміи во всѣхъ отношеніяхъ, смѣло могли быть тогда-же оставлены у большевиковъ, въ родственныя объятія которыхъ они впослѣдствіи и бросились, погубивъ за короткій періодъ своей дѣятельности и Русское дѣло, и казаковъ „вольной“ Кубани.

На это у Деникина не хватило духу. Имъ только былъ изгнанъ небезъизвѣстный „матросъ“ Федоръ Баткинъ, препровожденный въ расположеніе большевиковъ.

Съ оставленными ранеными остались и нѣкоторые самоотверженные люди изъ медицинскаго персонала. Въ обезпеченіе ихъ безопасности были взяты въ качествѣ заложниковъ какіе-то большевики.

Большинство раненыхъ и бывшихъ при нихъ сестеръ погибло мученической смертью. Интернаціональная красная звѣзда не считалась съ международнымъ Краснымъ Крестомъ.

Выгнанный-же къ большевикамъ Федоръ Баткинъ благополучно уцѣлѣлъ и весною 1920 года, чуя слабость Деникина, — красовался на митинговыхъ подмосткахъ волновавшагося Новороссійска.

Кстати сказать, что „матросъ“ Баткинъ никогда не былъ матросомъ. Еврей или караимъ по происхожденію, онъ явился въ первые-же

дни революціи на Черноморское побережье и устроился во флотѣ на должность „штатнаго оратора“, по каковой должности и носилъ матросскую форму. На такое-же амплуа онъ поступилъ и къ Корнилову, непонятно по какимъ причинамъ терпѣвшему темнаго проходимца, далеко не чуждаго большевистскимъ правительственнымъ сферамъ.

XIV

Двигаясь съ возможной быстротой, огрызаясь то здѣсь, то тамъ отъ насѣдающихъ большевиковъ, Армія кружными, сбивающими расчеты красныхъ, путями вырвалась наконецъ изъ района желѣзныхъ дорогъ и достигла станицы Ильинской.

Быстро пройденный ею путь черезъ Гнабчау, Медвѣдовскую, Дядьковскую и Журавскую вписалъ еще нѣсколько блестящихъ страницъ въ ея славную исторію.

Въ пути доходили туманные слухи о возстаніи Дона. Слухи эти усиливались, окрыляя добровольцевъ снова надеждой на счастливый исходъ. Изъ станицы Ильинской на Донъ былъ посланъ разъѣздъ подъ начальствомъ Генеральнаго Штаба Подполковника Барцевича.

Армія продолжала свой путь на Успенскую. Храбрый Барцевичъ, проскочившій черезъ большевистское расположеніе, въ ближайшія Донскія станицы, быстро вернулся обратно и, когда Армія находилась въ Успенской, онъ, сопровождаемый конвоемъ донскихъ казаковъ, принесъ радостную вѣсть о поднятіи Дона.

На Дону не только возстали противъ большевиковъ, но по словамъ прибывшихъ донскихъ казаковъ, ждали Добровольческую Армію.

Какъ у каждаго человѣка есть своя „синяя птица“, такъ и у добровольцевъ „синей птицей“ была Кубань, теперь ею сталъ Донъ.

Туманъ разъяснялся. Вождямъ снова рисовалось осуществленіе ихъ широкихъ плановъ. Добровольцамъ грезился скорый отдыхъ.

Послѣ Успенской, перейдя близъ Бѣлой Глины черезъ желѣзную дорогу, Армія двинулась на Лежанку.

Еще одинъ суточный переходъ, и уже начиналась Донская Область.

Оставалась послѣдняя желѣзная дорога — страшный врагъ добровольцевъ; но при Арміи былъ Марковъ, доходившій до виртуозности въ борьбѣ съ броневыми поѣздами.

„Синяя птица“ была уже близко.

Всѣ средніе люди похожи одинъ на другого, а каждый исключительный человѣкъ исключителенъ по своему.

Если Корниловъ на своемъ жизненномъ пути совершилъ героическіе подвиги, пресѣченные не менѣе героической смертью, то и Деникинъ сотворилъ подвигъ прямо-таки сверхчеловѣческій, взявъ на себя въ безнадежныя минуты тяжесть отвѣтственности и вырвавъ Армію изъ когтей смерти.

А за этими людьми стоялъ умудренный жизнью зоркій старикъ,*) спокойно и незамѣтно дѣлавшій „свое послѣднее дѣло“.

---

*) Такъ называли въ Арміи Алексѣева. Алексѣевъ-же говорилъ, что Добровольческая Армія есть его „послѣднее дѣло на землѣ“.

XV

Во второй половинѣ апрѣля, Армія достигла донскихъ станицъ Егорлыкской и Мечетинской.

Здѣсь войска пережили незабываемый праздникъ Св. Пасхи, бывшій для нихъ праздникомъ и ихъ чудеснаго воскресенія.

Какъ охотникъ послѣ безплодной охоты измученный и усталый, найдя звѣря, забываетъ и про утомленіе, и про прежнія неудачи и охватывается новой энергіей, — такъ и добровольцы, выйдя изъ смертельной опасности и тѣмъ самымъ одержавъ побѣду надъ врагомъ, — забыли ужасъ минувшихъ переживаній и набирались снова боевой силы.

Сытые и отдохнувшіе, находившіеся къ тому-же среди бодро настроенныхъ донцевъ, они были въ томъ душевномъ, хорошо знакомомъ лишь много воевавшимъ людямъ состояніи, когда все окружающее кажется легкимъ, пріятнымъ и радостнымъ.

Наслаждаясь временнымъ покоемъ, никто особенно не задумывался о завтрашнемъ днѣ. Это являлось тяжелымъ удѣломъ старшихъ, чувствовавшихъ сложность всего положенія и вытекающихъ изъ него еще болѣе сложныхъ послѣдствій.

Отъ нихъ уже ждалось очередное рѣшеніе, должное направить Армію къ очереднымъ цѣлямъ.

Въ тѣ дни на исторической міровой сценѣ первую роль играла императорская Германія, которая закончивъ войну на русскомъ фронтѣ заключеннымъ ею съ большевиками Брестъ-Литовскимъ миромъ, — занимала весь югъ Россіи, гдѣ помогала Скоропадскому и Краснову въ ихъ борьбѣ съ большевизмомъ.

Это было то время политическихъ искушеній, когда не мало присяжныхъ дипломатовъ и политиковъ изъ числа большой публики Европы подвергались соблазну разрѣшить на нѣмецкихъ боевыхъ успѣхахъ будущій ходъ исторіи. Въ воздухѣ носились заманчивыя перспективы, и только ясный умъ Алексѣева, умѣвшаго, какъ никто другой, разбираться въ запутанномъ лабиринтѣ политическихъ комбинацій, — правильно оцѣнилъ обстановку и прозорливо уловилъ въ ея волнующихся даляхъ едва замѣтныя очертанія грядущихъ событій, несущихъ военный крахъ Германіи. Онъ принялъ свое рѣшеніе и остался на сторонѣ союзниковъ.

Такое рѣшеніе было трудно въ его первоначальномъ приложеніи къ жизни. Открывая въ будущемъ широкіе горизонты, оно въ настоящемъ сулило лишь новыя испытанія.

А вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ требовалось и второе, уже чисто военное, находившееся въ связи съ первымъ.

Армія не могла оставаться на мѣстѣ, она не могла также найти пріемлемую для нея поддержку на Дону, оккупированномъ нѣмцами, равно какъ не могла по своему состоянію самостоятельно двинуться и на сѣверъ. Для ея послѣдующаго развитія требовалась база, зарождалась необходимость будущей связи съ союзниками, и вся совокупность создавшихся условій указывала путь на Кубань и къ берегамъ Чернаго моря.

Начинался второй Кубанскій походъ.

XVI

Вопросы внутренней политики тогда еще не поднимались. Отдѣльные лозунги порхали, какъ однодневные мотыльки, не оставляя слѣдовъ.

Единственнымъ нѣсколько взволновавшимъ событіемъ было выпущенное объявленіе о томъ, что Армія борется за Учредительное Собраніе. Это неожиданное напоминаніе о безвозвратно погребенномъ учрежденіи, увѣнчавшемъ рухнувшую башню россійской революціи, вызвало извѣстный шумъ, вскорѣ заглушенный болѣе ощутительнымъ шумомъ новой боевой страды.

Послѣ того крылатое слово объ Учредительномъ Собраніи не срывалось съ устъ ни Деникина, ни Алексѣева, и только единственный разъ, въ печальные дни 1920-го года, оно было вырвано почти силой у Деникина, готоваго принести въ жертву все, лишь бы образумить и очеловѣчить неподдающихся къ несчастью такому излѣченію злобныхъ кубанскихъ самостійниковъ.

Лѣвые круги и ихъ пресса всегда называла добровольцевъ и, главнымъ образомъ, старшихъ чиновъ арміи — черносотенцами,

Этотъ хлесткій ярлыкъ, одинаково приклеиваемый разрушителями Россіи и къ дѣйствительно, быть можетъ, темнымъ личностямъ, и къ величайшимъ русскимъ патріотамъ, въ чьемъ выдающемся служеніи Родинѣ нельзя было и сомнѣваться, — самъ по себѣ весьма туманенъ, Если-же лѣвые „черносотенство" отожествляли съ ненавидимой ими государственностью, державшейся исторически сложившихся и незамѣнимыхъ русскихъ путей, — они были, конечно, правы. Такой государственностью были проникнуты всѣ болѣе значительные начальники въ Арміи, понимавшіе и воочію увидѣвшіе въ кровавую эпопею „безкровной" мартовской рѣзни и послѣдующей смуты всю дѣйствительную жуть „великихъ потрясеній", нужныхъ тѣмъ, кому была ненужна или ненавистна „Великая Россія".

Тѣ, кто привыкъ витать въ области отвлеченныхъ теорій, которыя, какъ и всякое произведеніе человѣческой мысли, могутъ быть доведены до высокаго совершенства и захватывать воспринимающіе ихъ умы своею стройностью, — конечно, могутъ быть захвачены и теоріей объ Учредительномъ Собраніи. Но всякій, знакомый съ суровой практикой жизни, ясно понимаетъ ту простую вещь, что создавать въ трясущейся отъ непрерывныхъ бунтовщическихъ толчковъ Россіи сложнѣйшее по конструкціи учрежденіе такъ же безнадежно, какъ строить домъ во время землетрясенія.

Предусмотрѣнная теоріей система о выборахъ въ Учредительное Собраніе на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, то-есть на принципахъ, найболѣе отвѣчающихъ свободѣ избранія, — на самомъ дѣлѣ была грубо нарушена. Предшествовавшая избранію агитація уже сама по себѣ (чего упорно не желаютъ признать многіе политиканы) умаляла провозглашенные принципы, вводя элементы духовнаго, а очень часто и физическаго воздѣйствія на свободу избирателя.

Избраніе по „спискамъ", являясь одной изъ неизбѣжныхъ уступокъ нежизненной теоріи, обезцвѣчивало ея многовѣщательныя заголовки и окутывало „свободнаго" гражданина сѣтями навязываемой ему партійности. Сама-же партійность и подготовлявшая ее „свободная" печать находились подъ безпощадной цензурой мартовскихъ бунтовщиковъ, закрывшихъ и даже попросту ограбившихъ рядъ неугодныхъ имъ органовъ печати, начиная съ „Новаго Времени".

Сквозь атмосферу лжи и наглаго обмана въ Учредительное Собраніе пролѣзли преимущественно жадные до власти проходимцы, избранные одурѣвшей чернью, отдавшей свои звѣриные голоса въ обмѣнъ на право безнаказаннаго разбоя, предоставленнаго ей ея избранниками.

Хотя въ него и попали порядочные люди, — но это было жалкое и безсильное по числу голосовъ меньшинство. Ихъ слабость не могла противостоять избранію въ предсѣдатели замѣчательнѣйшаго, казалось бы, въ русской исторіи народнаго представительства, ничтожнѣйшаго человѣка и гнуснѣйшаго предателя Родины, Виктора Чернова. Главный-же составъ собранія представляли большевики и родственные имъ „товарищи", всю свою жизнь толкавшіе Россію съ ея историческаго пути въ придорожную канаву, наполненную зловонной жижей, стекающей изъ революціоннаго подполья.

Учредительное Собраніе было разогнано большевиками, т. е. рухнуло отъ одного изъ очередныхъ бунтовщическихъ толчковъ. Но если бы даже такого (какъ тогда представлялось — внѣшняго) толчка и не было, то Учредительное Собраніе, состоявшее въ большинствѣ изъ охваченныхъ безуміемъ революціи людей, было обречено на неизбѣжное самоубійство.

XVII

Всякое начинаніе должно имѣть передъ собой опредѣленную цѣль. Начинаніе безъ цѣли или замираетъ или приводитъ къ другимъ цѣлямъ, часто совершенно противуположнымъ тѣмъ, достиженіе которыхъ было бы желательно.

И передъ Учредительнымъ Собраніемъ стояли опредѣленныя цѣли, указанныя Манифестомъ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, то-есть государственнымъ актомъ, узаконявшимъ само это установленіе.

Эти цѣли были просты и ясны. Дѣйствуя въ строго логической и, конечно, государственной послѣдовательности, Учредительное Собраніе должно было: 1) установить образъ правленія, 2) создать основные законы и 3) передать немедленно власть тому, кто по новымъ основнымъ законамъ долженъ былъ получить полноту власти.

Проще говоря, Учредительному Собранію нужно было издать новый первый томъ свода законовъ, изъ котораго постепенно исходили бы новыя положенія будущаго устройства Россіи.

Между тѣмъ, Учредительное Собраніе, вопреки завѣтамъ почтеннаго философа Кузьмы Пруткова, провозгласившаго свою неопровержимую формулу о невозможности объять необъятное, рѣшило сразу охватить и

перерѣшить всѣ стороны русской жизни. Обѣщая путемъ агитаціи, через своихъ будущихъ членовъ, кому разрѣшеніе аграрной реформы, кому всеобщее обученіе, различныя соціализаціи, разоруженіе народовъ, а кто попроще, тому сахаръ, ситецъ и подошвенную кожу, — Учредительное Собраніе, размѣнявшись на мелочи и рекламируясь мелочами, само еще въ своемъ зародышѣ измельчало и опошлилось. Отказавшись отъ поставленныхъ цѣлей и отъ задачъ того государственнаго установленія, которое преднамѣчалось, оно было заранѣе сведено на незавидную степень очередно митинговой говорильни.

Могли ли идти за ними тѣ, кто шелъ за Россію?!

И потому, напоминаніе о немъ среди добровольческихъ начальниковъ было встрѣчено съ болью въ сердцѣ и съ боязнью за будущее.

Остатки Учредительнаго Собранія изъ его членовъ небольшевитскаго толка всегда указываютъ на свои заслуги въ борьбѣ противъ большевиковъ на созданномъ ими заволжскомъ фронтѣ.

Исторія организаціи Арміи Учредительнаго Собранія довольно любопытна и когда нибудь дождется своего юмориста, съумѣющаго развлечь читателя забавными сценками изъ быта развоевавшихся общественныхъ дѣятелей. Правда, и въ этой арміи были геройскіе подвиги, но совершались то они людьми, шедшими на смерть не за Учредительное Собраніе, не за „завоеванія революціи“, а за Россію и только за Россію.

Если-же кто съ прямой, рыцарской честностью, не взирая ни на что, рѣшился въ свое время бороться съ охватившимъ Россію бунтомъ и довести ее до Учредительнаго Собранія, — это былъ единственно Корниловъ. Только его несокрушимая воля могла остудить пылающія страсти и, обуздавъ преступныхъ демагоговъ, дать народу возможность избрать мужей совѣта и разума.

Но Корниловъ уже спалъ вѣчнымъ сномъ на берегахъ Кубани къ великой радости большевиковъ и ихъ духовныхъ братьевъ, готовившихъ новый гробъ другому русскому патріоту Адмиралу А. В. Колчаку.

XVIII

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ удачныхъ боевъ подъ Торговой, Армія, усиленная прибывающими пополненіями, а главное — вошедшимъ въ ея составъ отрядомъ Полковника М. Г. Дроздовскаго, совершившаго свой сказочный походъ съ Румынскаго фронта на Донъ, — продолжала движеніе къ Кубани.

Въ раіонѣ Торговой добровольцы понесли невознаградимую утрату. Случайно гранатой, выпущенной съ отступавшаго большевистскаго бронепоѣзда, былъ убитъ генералъ Марковъ, незабвенный герой и одинъ изъ наиболѣе яркихъ военныхъ людей Россіи.

Вскорѣ Армія заняла еще нѣсколько селеній Ставропольской губерніи. По занятіи села Песчанокопскаго, было образовано Ставропольское военное губернаторство, явившееся первой русской территоріей, безусловно подчиненной добровольческому командованію во всѣхъ отношеніяхъ.

Военнымъ губернаторомъ Деникинъ избралъ Глазенапа, бывшаго въ это время командиромъ 3 бригады 1 конной дивизіи. Какъ ни отказывался Глазенапъ отъ этого назначенія, не желая покидать сроднившихся съ нимъ частей конницы, — Деникинъ былъ непреклоненъ. Привыкшій исполнять всякое приказаніе начальства, Глазенапъ, скрѣпя сердце, взялся за неблагодарный и неріятный трудъ. Уйдя отъ любимаго имъ и всегда опредѣленнаго и яснаго военнаго дѣла, онъ впрягся въ расхлябанную революціей административную телѣгу и потащилъ ее по бездорожью лихолѣтья, заранѣе предчувствуя тяжесть отъ насѣвшей въ нее „общественности".

Вскорѣ Армія овладѣла Тихорѣцкой, а затѣмъ, разгромивъ въ рядѣ боевъ значительныя большевистскія силы, сосредоточенныя въ Кубанской области, — достигла къ концу іюля Екатеринодара.

На этотъ разъ Екатеринодаръ былъ взятъ, и его населеніе ликующе встрѣчало Деникина и добровольцевъ, празднуя вмѣстѣ съ ними побѣду надъ общимъ русскимъ врагомъ.

Но въ торжествѣ свѣтлаго дня уже чудился зловѣщій ликъ будущихъ пораженій! Въ Екатеринодаръ вступилъ неограниченный, могущій повелѣвать диктаторъ, а оцѣлованный іудинымъ лобзаніемъ кубанскихъ парламентаріевъ, тотчасъ-же сталъ „бѣлымъ" генераломъ, потерявшимъ въ объятіяхъ кубанской самостійности свою независимость и силу.

XIX

Ставропольская губернія, не смотря на свою близость отъ Ростова, Царицына, Кавказа и Новороссійска, была еще недавно совершеннымъ захолустьемъ.

Богатая по плодородію земля, имѣвшаяся въ крестьянскихъ и землевладѣльческихъ хозяйствахъ, давала изъ года въ годъ отличный урожай, избытокъ котораго въ десяткахъ милліоновъ пудовъ увозился на Кавказъ, на Волгу и въ прекрасные элеваторы Новороссійска.

Населеніе губерніи было въ общемъ русское и весьма демократическое, такъ какъ состояло изъ бывшихъ казаковъ, русскихъ крестьянъ, выходцевъ изъ Таврической губерніи и прочаго люда разнаго званія и довольно туманнаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ губернія была не дворянская и не помѣщичья. Это была просто губернія, населенная землевладѣльцами, различавшимися, какъ и вездѣ, на богатыхъ и небогатыхъ; бѣдныхъ въ губерніи не замѣчалось.

Въ сѣверо-восточной ея части еще находились кочевья калмыковъ, нагайцевъ и трухменовъ, жившихъ почти первобытной жизнью.

Земская аристократія представлялась пятью или шестью безземельными приписными дворянами изъ отставныхъ генераловъ и безсмѣннымъ предводителемъ Бурсакомъ, отставнымъ офицеромъ Л.-Гв. Кирассирскаго Е. В. полка, убитымъ въ 1918 году на Кубани большевиками.

И вотъ, въ первыхъ числахъ марта 1917 года въ такую, почти первобытную глушь телеграфъ, а за нимъ и вездѣсущіе газетчики, принесли вѣсть о сверженіи „кроваваго царизма" и явленіи „великой, безкровной революціи".

Событіе это застало Ставрополь врасплохъ.

Сначала власти попридержали полученныя извѣстія. Но черезъ день туземные „выразители общественнаго мнѣнія“, состоявшіе изъ выгнаннаго семинариста, адвоката безъ практики, зубного врача и истерической телеграфистки, — людей, имѣвшихъ за собой общее и политическое невѣжество и нѣкоторый тюремный стажъ за бунтарство въ 1905 и другихъ годахъ, — „выявили волю народа“, то-есть арестовали губернатора и прочихъ властей. Вслѣдъ за тѣмъ „старый партійный работникъ“, пріѣзжій аптекарскій ученикъ, расхлябанный мальчишка лѣтъ 19, сформировалъ „совдепъ“, а нежелавшіе учиться гимназисты — милицію. За неимѣніемъ не только сознательнаго, но и вообще какого-нибудь пролетаріата (ставрополецъ испоконъ вѣковъ былъ собственникомъ), его революціонныя обязанности пока исполняли учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній, съ радостью принявшіе новый порядокъ, уничтожившій навсегда букву „ять“ и замѣнившій всѣ науки хожденіемъ по городу съ пѣніемъ марсельезы.

Народный учитель Старлычановъ, онъ-же кадетъ, онъ-же соціалистъ, изрядно некущійся при всякихъ режимахъ о пріумноженіи своей движимой и недвижимой собственности, — былъ посаженъ на должность Губернскаго Комиссара.

Мѣстный-же безработный адвокатъ В. М. Красновъ, домовладѣлецъ и лидеръ соціалъ-демократовъ по всемилостивѣйшему указу Генералъ-Прокурора и проказника Керенскаго сталъ Прокуроромъ Окружнаго Суда.

Обыватель, въ теченіе вѣковъ думавшій объ урожаяхъ, мельницахъ, базарахъ и прочей хозяйственной домашности, читавшій въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленія о торгахъ и удовлетворявшій эстетическіе запросы своей степной души разсматриваніемъ благонамѣренныхъ иллюстрацій „Нивы“, — сначала ошалѣлъ, а потомъ, подхваченный волной разбушевавшагося россійскаго словоблудія, — заговорилъ и въ продолженіе девяти мѣсяцевъ несъ такую околесицу, что самого жуть брала.

А за эти девять мѣсяцевъ отъ гнуснѣйшаго и противоестественнаго сожительства свободы съ соціализмомъ родился хамъ-большевикъ, сдѣлавшійся владыкой великія, малыя и бѣлыя Россіи и прочихъ земель наслѣдникомъ и обладателемъ.

Тутъ-то Ставропольскій обыватель слегка очухался.

Очухался онъ, конечно, главнымъ образомъ потому, что любезные его черноземному пузу поросята и гуси, стоившіе до весны 1917-го года полтинникъ, вскочили въ десятки рублей. Хлѣбъ вмѣсто двухъ копеекъ возросъ до рубля; сахаръ, реквизированный „трудящимися“, продавался на базарѣ „буржуйнымъ гадамъ“ по пять рублей за фунтъ. Мануфактура, объявленная предразсудкомъ стараго режима, стала музейной рѣдкостью.

Выпущенные изъ тюрьмы жулики получили званіе „сознательныхъ пролетаріевъ“ и въ соотвѣтствіи съ симъ высокимъ положеніемъ бродили по улицамъ и городскому саду, игриво осыпая прохожихъ пережеванной шелухой сѣмячекъ, пахнущей тонкимъ ароматомъ выпитаго одеколона.

Съ уничтоженіемъ „проклятаго милитаризма“ въ казармахъ жили „защитники революціи“. Это почетное сословіе, несшее тяжелую ночную

службу по борьбѣ со ставропольскими капиталистами, днемъ лежало на подоконникахъ или занималось спортомъ. Среди нихъ процвѣтала охота на сѣраго звѣря, въ изобилiи водившагося, какъ въ дѣвственныхъ сильвасахъ демократическихъ гривъ, такъ и въ привольѣ нестираннаго со дня „паденiя царизма“ бѣлья. Болѣе отважные, вооружившись шашкой и ручной гранатой, ходили одинъ-на-одинъ на домашнихъ кабановъ и крупную птицу. Были, наконецъ, любители садочной стрѣльбы, просиживавшiе по цѣлымъ днямъ у окна съ ружьемъ, а иногда и съ пулеметомъ, стараясь попасть въ хитраго и осторожнаго буржуя, прiобрѣвшаго за нѣсколько мѣсяцевъ чуткость и сноровки степной дрофы.

А по городу шмыгали юркiе и нервные брюнеты и тянули воздухъ крючковатыми носами, какъ гончiя, учуявшiя свѣжiй слѣдъ.

Словомъ, все было въ Ставрополѣ, какъ въ самыхъ первыхъ городахъ.

XX

Въ концѣ ноября Губернскiй Комиссаръ Старлычановъ, памятуя о смертномъ часѣ и о спасенiи своей соцiалистической души, заключенной къ тому же въ хорошо прожированную за время „народоправства“ оболочку, — счелъ за благо скрыться. Надъ губернiей прiялъ власть туземецъ Пономаревъ, домовладѣлецъ (всѣ ставропольцы изстари были домовладѣльцами) и лидеръ партiи большевиковъ, человѣкъ съ университетскимъ образованiемъ, служившiй ранѣе по статистикѣ, неизвѣстно почему бывшей всегда разсадникомъ всяческой крамолы.

Новая власть засѣла очень тихо, почти безъ борьбы. Эсъ-деки и эсъ-еры, издававшiе по бѣдности одну общую газетишку, немного поскулили о спасенiи революцiи (спасенiе Россiи въ расчетъ не входило) отъ большевиковъ и отъ бандъ Каледина и Алексѣева, грозящихъ освобожденному народу возвратомъ къ свергнутому царизму. Находчивый Пономаревъ, какъ опытный статистикъ, взялъ на учетъ всю находящуюся въ городѣ бумагу и для пущей вѣрности заперъ ее на замокъ, чѣмъ и покорилъ воинствующее противъ него печатное слово.

Въ декабрѣ измѣнился составъ гарнизона. Болѣе хозяйственные солдаты, распродавъ отнятое въ пользу народа офицерское и казенное имущество, стали разъѣзжаться по домамъ, спѣша привезти къ празднику свалившiеся на нихъ дары революцiи. Осталась лишь бездомная голытьба или неуспѣвшiе дограбить особо жадные воры.

Для непосредственной охраны власти народныхъ комиссаровъ было создано нарочито пролетарское воинство изъ сапожниковъ интендантской сапожной мастерской, то-есть изъ окопавшихся въ тылу дезертировъ, посвятившихъ свою драгоцѣнную жизнь работѣ „на оборону“.

Въ ночь на 1-ое января 1918-го года послѣднiе солдатишки, отпраздновавъ наступленiе новаго года великолѣпными салютами изъ всѣхъ имѣвшихся у нихъ ружей, пулеметовъ и ручныхъ гранатъ, бросили окончательно свои до чиста ограбленныя и провонявшiя отъ нечистотъ и грязи казармы.

Имѣя прирожденную склонность къ мирному труду, они вскорѣ

занялись частными дѣлами, преимущественно обысками „буржуйныхъ" квартиръ, что съ первыхъ же дней „безкровной" сдѣлалось любимѣйшей свободной профессіей „свободнѣйшаго въ мірѣ народа".

Въ теченіе января и февраля губернія жила сравнительно мирно. Близость Дона и Кубани съ невыясненнымъ тамъ положеніемъ дѣлала большевиковъ осторожными. Надо признать, что Пономаревъ, неизвѣстно изъ какихъ соображеній, несильно преслѣдовалъ буржуазію и даже офицеровъ. Но сознательные товарищи, нежелавшіе вообще никому подчиняться и подстрекаемые невидимыми гнусами, съ чисто обезьяньей жестокостью избивали офицерство, инстинктивно чувствуя въ немъ послѣдній оплотъ мѣшающаго ихъ привольной жизни порядка.

Въ деревняхъ мужички, а главное появившіеся отовсюду бродяги изъ числа бывшихъ стипендіатовъ тюремнаго вѣдомства дрались изъ-за землишки съ такими же мужиками, только побогаче. Хлѣба, скота и птицы въ губерніи оставалось еще лѣтъ на пять запасу, и жизнь была сытая.

Страдало преимущественно городское населеніе и въ первую голову та злосчастная интеллигенція, которая всю жизнь, не зная народа, подстрекала его къ бунту и, разметавъ передъ нимъ въ мартовскіе дни бисеръ гуманитарныхъ и соціалистическихъ утопій, — теперь удивленно ежилась подъ ударами копытъ своего меньшого брата.

XXI

Въ концѣ февраля, когда надъ Дономъ и Кубанью зарѣяли вновь красные флаги, въ Ставрополь прибыли какія-то темныя личности. Эти, не лишенные организаторскаго таланта, люди раздобыли откуда-то значительное количество матросскаго обмундированія и, нанявъ за большія деньги около шестисотъ шлявшихся по городу и уѣздамъ головорѣзовъ, одѣли эту сволочь въ матросскую форму и назвали ее морскимъ баталіономъ. Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ съ особымъ полномочіемъ изъ Москвы нѣкто Коппе, человѣкъ крайне таинственный, который, опираясь на новое морское войско и не считаясь съ другими властями, принялся за формированіе красной арміи.

Ставропольскіе мужики изъ болѣе хозяйственныхъ, учуя въ новоявленныхъ мореплавателяхъ грядущее опустошеніе своихъ амбаровъ и даже близость лишенія живота, рѣшили оказать сопротивленіе. Стакнувшись съ Пономаревымъ, тоже съ опаской поглядывавшимъ на лязгавшихъ зубами морскихъ волковъ, они устроили въ городѣ съѣздъ, должный рѣшить окончательно, кому владѣть землей Ставропольской.

Когда съѣздъ собрался въ помѣщеніи мужской гимназіи, то къ ея зданію подошли неустрашимые моряки и открыли по высокому собранію рѣдкій огонь. На случай затяжного боя или долговременной осады предусмотрительный Коппе выставилъ на площади въ помощь матросамъ двѣ пушки и пулеметную команду. Болѣе благоразумные члены съѣзда, воспользовавшись черной лѣстницей и проходнымъ дворомъ, пробрались къ своимъ тачанкамъ и понеслись въ необозримыя степи, соперничая между собой въ рѣзвости коней.

Вызванная Пономаревымъ на поддержку сапожная мастерская, слегка помитинговавъ, заявила о своемъ нейтралитетѣ и расположилась станомъ на площади. Но затѣмъ, оцѣнивъ съ чисто военнымъ глазомѣромъ морскія силы противника, рѣшительно двинулась въ зданіе гимназіи, гдѣ, окруживъ Пономарева, отвела его въ губернскую тюрьму, а сама немедленно присягнула на вѣрность Коппе.

Пономаревъ просидѣлъ два дня въ прекрасномъ обществѣ прекрасно воспитанныхъ людей, нѣкогда имъ же помѣщенныхъ въ этотъ отель, любезно отведенный совѣтской властью для г. г. контръ-революціонеровъ; — былъ выпущенъ на допросъ и переведенъ въ свой наслѣдственный домъ, охраняемый почетнымъ карауломъ, выставленнымъ по приказу Коппе.

Черезъ день или два, опасаясь дальнѣйшей опалы и высылки въ далекую родовую вотчину праотцевъ, „идѣже нѣсть болѣзни и воздыханія", Пономаревъ предпринялъ самостоятельный вояжъ въ Кавказкія горы, захвативъ съ собой кой-какую толику денежныхъ знаковъ и присвоенные ему по должности штемпеля и печати, приносившіе въ то время большій доходъ, чѣмъ нефтяные паи. Фактическимъ хозяиномъ остался Коппе. Составленный по его указкѣ совѣтъ народныхъ комиссаровъ изъ выгнаннаго семинариста Морозова, какого-то Попова, полуармянки и полудѣвицы Вальяно и еще нѣсколькихъ юнцовъ, не имѣлъ никакого значенія.

Эта милая молодежь, со свойственнымъ ея возрасту задоромъ развлекалась реквизиціями, рубкой захваченныхъ офицеровъ и прочими свѣтскими играми, быстро вошедшими въ моду среди пролетарскаго монда.

Въ рукахъ Коппе находилась вся вооруженная сила, ежедневно увеличивающаяся, какъ прибывающими новыми частями, такъ и формированіями изъ мѣстнаго сброда.

Ближайшимъ помощникомъ Коппе былъ Правомендовъ.

Окончивъ въ свое время младшій классъ семинаріи, онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своими блестящими работами по изслѣдованію чужой собственности и еще при „старомъ режимѣ" при покровительствѣ одного прокурора былъ прикомандированъ на нѣкоторое время къ министерству юстиціи на правахъ уголовнаго. Отсидѣвъ положенный срокъ, Правомендовъ долго оставался въ тѣни, и только „великая русская революція" выдвинула его на соотвѣтствѣнный постъ.. Онъ вскорѣ составилъ себѣ громкое имя, какъ одинъ изъ выдающихся криминалистовъ, впервые примѣнившій повѣшеніе и разстрѣлъ въ качествѣ мѣры пресѣченія способовъ къ уклоненію отъ суда и слѣдствія.

Третьимъ лицомъ въ Ставрополѣ считался Ашихинъ. Въ молодости онъ много путешествовалъ и бывалъ за границей въ качествѣ матроса русскаго военнаго корабля. Прослуживъ года два во флотѣ, онъ перешелъ въ сухопутныя войска и несъ скромную службу штрафованнаго рядового въ перемѣнномъ составѣ дисциплинарнаго баталіона. Увлеченный, какъ и Правомендовъ, юридическими науками, Ашихинъ тоже занималъ должность арестанта, а затѣмъ въ воздаяніе отмѣнной своей дѣятельности получилъ пожизненную аренду въ сибирскихъ рудникахъ, гдѣ долго занимался добываніемъ благородныхъ металловъ. Будучи къ началу революціи въ зрѣломъ возрастѣ, Ашихинъ вернулся изъ Сибири и облюбовалъ

для своей жизни привольный Ставрополь. Здѣсь онъ особенно пристрастился къ „судебной хирургіи“ и въ короткое время достигъ высокаго совершенства въ снятіи кожи съ живыхъ людей и выкалываніи глазъ у офицеровъ.

Господа революціонеры, какой восторгъ!!

XXII

Въ это время Ставрополь не имѣлъ никакой связи съ внѣшнимъ міромъ. Кругомъ него расположилась густая цѣпь совдеповъ и трибуналовъ, хватавшихъ и убивавшихъ непонравившихся имъ путешественниковъ.

Къ веснѣ потекли неясные слухи о Гетманщинѣ, о нѣмцахъ и объ уничтоженіи „бандъ Деникина“.

Послѣднее особенно раздувалось большевиками, но огромное количество раненыхъ красноармейцевъ съ какого-то фронта, гдѣ они по ихъ словамъ дрались противъ „кадетовъ“, — сильно умаляло большевистскіе успѣхи.

Такіе слухи и разговоры вносили лишь сумятицу, не давая даже приблизительнаго представленія о настоящей дѣйствительности.

Гдѣ и въ какомъ состояніи была Добровольческая Армія, никто толкомъ не зналъ. Упоминаніе имени Генерала Деникина не только ничего не разъясняло, но, наоборотъ, еще больше запутывало даже посвященныхъ въ дѣло людей, знавшихъ, что во главѣ Арміи стояли Алексѣевъ и Корниловъ.

Лишь въ серединѣ мая пробравшійся съ Дона толковый человѣкъ сообщилъ, что Корниловъ былъ убитъ подъ Екатеринодаромъ и что Армія подъ начальствомъ Генерала Деникина отошла на Донъ, гдѣ — нѣмцы, изгнавшіе большевиковъ.

Между тѣмъ къ тому времени въ Ставропольской губерніи собралось порядочное число офицеровъ, юнкеровъ, кадетъ и оторвавшихся случайно отъ Арміи добровольцевъ, которые, при правильной ихъ организаціи, могли бы свергнуть власть большевиковъ и тѣмъ оказать существенную помощь Деникину.

Но изъ этой военной среды единственнымъ элементомъ, готовымъ всегда и всюду воевать съ черствой коркой хлѣба въ карманѣ и даже безъ таковой, — были кадеты и юнкера. Тѣлами этихъ дѣтей задержано въ 1917 году паденіе Дона, создана Добровольческая Армія, и, въ критическія минуты Крыма, послѣдняя пядь русской земли спасалась юнкерами-Константиновцами, безстрашно и спокойно всегда глядѣвшими въ лицо смерти.

Офицерство, потрясенное пережитой революціей, истерзанное и заплеванное „демократическими“ реформами водевильныхъ военныхъ министровъ, наконецъ, устрашенное безпощаднымъ, тупымъ животнымъ звѣрствомъ большевиковъ и поголовно обобранное и замученное безпросвѣтной нищетой, — было подавлено и осторожно-недовѣрчиво относилось ко всякимъ противо-большевистскимъ предпріятіямъ. Ихъ недовѣрчивость до извѣстной степени имѣла свои основанія: мартовскій бунтъ внесъ страшный политическій развратъ во всѣ слои русскаго народа, и

помимо болтуновъ, погубившихъ ни одно благое начинаніе, всякая среда кишѣла сознательными негодяями и предателями.

Все-же часть военной молодежи составила тайную подпольную организацію, не имѣвшую передъ собой ясной цѣли, но такъ или иначе положившую начало къ объединенію наиболѣе предпріимчивыхъ и смѣлыхъ людей.

Во главѣ организаціи сталъ Генералъ-Маіоръ Рудневъ, георгіевскій кавалеръ, храбрый офицеръ, человѣкъ своей прежней службой и возрастомъ въ достаточной степени импонировавшій составу организаціи.

Свойственная русскимъ людямъ довѣрчивость и болтливость сдѣлала то, что ищейки-агенты Коппе очень скоро узнали о существованіи враждебной имъ организаціи.

Руднева, послѣ его ареста, при которомъ, не смотря на тщательный обыскъ, не нашли ничего, его компрометирующаго, — сначала рѣшили разстрѣлять. Но хитрый Коппе, совершенно неожиданно, призвалъ Руднева къ себѣ и сразу же предложилъ ему самому разогнать организацію и поступить на службу въ качествѣ военнаго спеціалиста въ штабъ красной арміи. Рудневъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился.

Собравъ наиболѣе активныхъ членовъ организаціи, онъ заявилъ имъ, что не считаетъ для себя возможнымъ быть во главѣ ея и что уходитъ самъ на службу къ большевикамъ.

Только двумъ, особо довѣреннымъ лицамъ Рудневъ передалъ, чтобы они сохранили организацію, не бросали дѣла и всегда бы расчитывали на его помощь и поддержку. Впослѣдствіи Рудневъ все это доказалъ на дѣлѣ и при первой возможности самъ пробрался въ Добровольческую Армію, гдѣ послѣ слѣдствія надъ нимъ былъ вполнѣ реабилитированъ и, командуя строевой частью, дрался на Кавказѣ противъ большевиковъ.

Узнавъ о рѣшеніи Руднева, члены организаціи сочли его предателемъ и, опасаясь возможности ихъ выдачи, — на время притихли.

Въ маѣ организація снова начала шевелиться, но въ руководители ея былъ избранъ неопытной зеленой молодежью вмѣсто ушедшаго Руднева, нѣкто Шимкевичъ, именовавшій себя поручикомъ гвардіи, а оказавшійся на самомъ дѣлѣ выгнаннымъ надзирателемъ изъ какой-то школы полицейскихъ собакъ.

Къ счастью Шимкевичъ, бывшій къ тому-же горчайшимъ пьяницей, никакого значенія не имѣлъ, а во главѣ дѣла сталъ Полковникъ П. Ф. Ртищевъ, типичный баталіонный командиръ, очень храбрый, погибшій впослѣдствіи геройской смертью, но человѣкъ съ узкимъ кругозоромъ и съ необъятнымъ честолюбіемъ, мечтавшій о крупной самостоятельной роли и неуживавшійся съ неизбѣжной необходимостью подчиниться Командованію Добровольческой Арміи.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, гибельно отразившихся на немъ самомъ-же, онъ былъ на рѣдкость мужественный человѣкъ и офицеръ.

Въ концѣ Іюня мѣсяца организація произвела вооруженное выступленіе. Сдѣланное не во время, съ самымъ грубымъ нарушеніемъ прежде выработаннаго плана, выступленіе потерпѣло наружное крушеніе, такъ какъ было задавлено превосходными по численности частями красной арміи.

Но, тѣмъ не менѣе, оно внесло серьезную панику, какъ въ среду большевистскихъ начальниковъ, такъ и въ толщу красноармейцевъ.

Подъ вліяніемъ крупныхъ успѣховъ Добровольческой Арміи, которая нанесла значительныя пораженія краснымъ подъ Торговой и въ направленіи на Тихорѣцкую, а также вслѣдствіе близости отряда Войскового Старшины Шкуро, большевики заволновались и начали митинговать. Въ результатѣ двухдневнаго совѣщанія совдепа, было рѣшено оставить городъ. Произведя нѣсколько особенно звѣрскихъ убійствъ надъ членами офицерской организаціи и тремя стариками, отставными генералами, жившими давно на покоѣ вдали отъ всякой политики, большевики учинили послѣднія реквизиціи и потащились на Невинномысскую, увозя нѣсколько поѣздовъ съ награбленнымъ добромъ.

Когда большевики очистили Ставрополь, то офицерская организація, потерявшая во время выступленія Полковника Ртищева, его брата Поручика П. Ф. Ртищева и нѣсколько весьма доблестныхъ офицеровъ и принужденная временно распылиться, не успѣла собраться, и городъ остался фактически безъ всякой силы и власти.

Послѣднія красныя части отошли отъ Ставрополя только верстъ на двадцать, но вернуться въ городъ не рѣшились.

Кой-какіе общественные дѣятели побойчѣе слегка прикоснулись къ валявшимся безъ призора браздамъ правленія и немедленно вооружили злосчастную сапожную мастерскую.

Этотъ единственный, кажется, на всемъ степномъ просторѣ Ставропольской губерніи организованный пролетаріатъ нехотя, скрѣпя сердце, взялся за оружіе, отъ котораго всячески отбрыкивался еще съ начала войны. Анонимные правители (была какая-то таинственная коллегія или совѣтъ), опираясь на сапожное войско, объявили осадное положеніе. „Осада“ заключалась всего на всего въ запрещеніи выхода на улицы послѣ 8 часовъ вечера, что было, впрочемъ, излишнѣ, такъ какъ перепуганный окончательно обыватель вообще никуда не вылѣзалъ, карауля свое добро и выжидая ни то освобожденія, ни то новаго разбоя.

XXIII

Черезъ два дня, вечеромъ 7 или 8 Іюля, въ Ставрополь въѣхалъ грузовой автомобиль. На автомобилѣ стояли два пулемета и человѣкъ пятнадцать офицеровъ, юнкеровъ и солдатъ. Рядомъ-же съ шофферомъ сидѣлъ почтенный генералъ, въ форменномъ генеральскомъ пальто на алой подкладкѣ и съ генеральскими погонами.

То былъ Генералъ-Маіоръ М. А. Уваровъ, безстрашно отправившійся со своимъ, болѣе чѣмъ легкомысленнымъ конвоемъ, изъ раіона села Медвѣжьяго по направленію къ Ставрополю, о состояніи котораго въ Добровольческой Арміи еще не было никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Подъѣхавъ къ гостинницѣ Пахалова, Уваровъ объявилъ обалдѣвшей при его появленіи прислугѣ, кто онъ такой, и приказалъ отвести себѣ помѣщеніе.

Въ тотъ-же день Уваровъ, вызвавъ завѣдывающаго уцѣлѣвшей губернской типографіей, написалъ приказъ о своемъ вступленіи во вр.

исп. должности военнаго губернатора и отдалъ рядъ первоначальныхъ распоряженій.

Слухъ о прибытіи Уварова распространился по городу въ тотъже вечеръ.

На утро мѣстное чиновничество, выкопавъ изъ-подъ земли и вытащивъ изъ тайниковъ своихъ домишекъ уцѣлѣвшее форменное платье, ордена и медали, — явилось представляться новому законному начальству.

Немедленно же изъ всѣхъ щелей повылѣзли офицеры и потянулись на призывъ объ офицерской мобилизаціи.

Прибытіе представителя Добровольческой Арміи, т. е. единственной, казалось бы, законной русской власти, — было встрѣчено не одинаково.

Офицерство, чиновничество и рядовой обыватель конечно ликовали, но часть мѣстныхъ, общественныхъ дѣятелей изъ неисправимыхъ соціалистовъ, недорѣзанныхъ во время большевистскаго правленія, не только не обрадовалась, но, забывъ мгновенно пережитые кровавые дни, впала въ словоблудіе и составила оппозицію.

Эти люди понимали въ глубинѣ души, что ихъ роль, какъ и ихъ партій, уже кончена. Но въ то-же время, чувствуя, что ни ихъ прошлое, ни ихъ подготовка не дастъ имъ хода при твердой внѣпартійной власти, — упорно цѣплялись за кажущіяся имъ все-же возможности.

Первымъ этапомъ своей политической борьбы они конечно избрали обычную игру въ оппозицію.

XXIV

На другой день по прибытіи въ Ставрополь Уварова на площади былъ отслуженъ торжественный молебенъ. Во время молебна уже надъ окраинами города разорвалось нѣсколько снарядовъ, пущенныхъ снова наступавшими на городъ большевиками.

Положеніе Уварова было очень тяжелое.

Въ его распоряженіи находилось не болѣе 50-70 вѣрныхъ людей.

Остальное офицерство и призванная военная молодежь еще не успѣли собраться и вооружиться.

Части отряда Шкуро начали уже прибывать, но эти части имѣли тогда далеко не совершенное устройство; многіе казаки какъ-то неохотно надѣвали погоны, вообще ко многому еще присматривались. Въ отрядѣ было весьма странное учрежденіе, подозрительно смахивавшее на революціонный комитетъ, о которомъ самъ Шкуро уклончиво замалчивалъ, называя его „малымъ кругомъ". Вообще отъ всего его отряда слегка припахивало „керенщиной". Съ нею Шкуро видимо еще не успѣлъ справиться.

Не лишенъ былъ отрядъ и извѣстной порціи политикановъ.

Нѣкоторые изъ числа послѣднихъ заявились къ Уварову и дали ему понять, чтобы онъ на отрядъ не особенно расчитывалъ, такъ какъ отрядъ не намѣренъ дѣйствовать съ нимъ заодно. Когда прямой Уваровъ, перевидавшій за свою жизнь не мало всякаго народа, спокойно спросилъ, чего-же они хотятъ, то эти полупочтенные господа, ничтоже сумняшеся, заявили: „мы требуемъ передачи всей власти намъ". — Ува-

ровъ на это отвѣтилъ: — „если Командующій Арміей мнѣ прикажетъ, я все сдѣлаю, но... караула отъ виннаго склада не сниму“.

Шкуринцы были люди не гордые и не конфузливые и начали бормотать какую-то дрянь о бѣдственномъ положеніи казаковъ. Узнавъ отъ Уварова, что онъ уже выдалъ отряду авансъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей, они просвѣтлѣли и при свидѣтеляхъ заявили о своей будущей вѣрности.

Такъ страдало революціонной отрыжкой даже боевое казачество, не въ мѣру объѣвшееся трудно перевариваемыми свободами.

Къ вечеру большевики подошли совсѣмъ къ городу, но казаки Шкуро дали имъ отпоръ. Самъ Шкуро носился по фронту и подбадривалъ нагайкой тянувшихся къ кухнямъ пластуновъ.

А въ тотъ-же день въ городѣ послышалась словесная стрѣльба, и обозначилось наступленіе городского самоуправленія, рѣшившаго взять Уварова внезапнымъ штурмомъ.

XXV

Какъ и вездѣ, русскіе города состояли изъ различныхъ классовъ населенія, и каждый жилъ своими различными интересами.

Служилое сословіе рѣдко гдѣ было постоянно, такъ какъ служба и связанныя съ ней перемѣщенія естественно не совмѣщались съ постоянствомъ мѣстожительства.

Рабочій классъ, сравнительно малочисленный, жилъ своими повседневными заботами, и всякій городъ имѣлъ для него значеніе, лишь какъ мѣсто работы (очень часто временной), легко мѣняемое на другое.

Главнымъ-же постояннымъ классомъ городского населенія было купечество и домовладѣльцы, прочно привязанные къ своему городу недвижимой собственностью и своими предпріятіями, переходившими изъ рода въ родъ.

Будучи болѣе обезпеченными и въ то-же время болѣе самостоятельными въ своей жизни и времени, а на ряду съ этимъ заинтересованными въ вопросахъ городского благоустройства, — они болѣе другихъ имѣли возможность и желаніе заниматься помимо своихъ дѣлъ еще и городскими.

Поэтому понятно, что въ городскихъ самоуправленіяхъ основой ихъ являлись домовладѣльцы и купечество.

Государственная власть также поддерживала эти два класса, закрывая доступъ остальнымъ.

Мотивы, которыхъ при этомъ держались законодатели, были совершенно ясны: государство, предоставляя горожанамъ самоуправляться, давало это право именно лишь горожанамъ, то-есть жителямъ города, обладавшимъ ясными признаками долгой осѣдлости. Вмѣстѣ съ тѣмъ государство усматривало въ собственникахъ элементы населенія, наиболѣе заинтересованные въ сохраненіи создаваемой вѣками собственности, а, слѣдовательно, заинтересованные въ государственномъ порядкѣ.

Можетъ быть, это было и несовершенно, какъ можетъ быть несовершененъ и всякій законъ, но во всякомъ случаѣ это было умнѣе,

чѣмъ то, что сдѣлалъ во время свободъ „цвѣтъ русской политической мысли“.

Различные экономисты, статистики и прочая ученая братія, весьма изощренная въ выкладкахъ и отвлеченныхъ комбинаціяхъ, затемняющихъ будничную дѣйствительность, писала высокопочтенные проэкты объ устройствѣ „мелкой земской единицы“ и объ отечественныхъ муниципалитетахъ. Нерѣдко авторы такихъ трудовъ изображали въ увлекательныхъ тонахъ желательную имъ организацію городовъ съ участіемъ въ городской жизни всѣхъ классовъ населенія,

Объ этомъ было хорошо подумать, пописать и еще пріятнѣе поговорить съ умными, вѣжливыми и опрятными людьми въ уютѣ городского кабинета или дѣдовской усадьбы либеральнаго земца, особенно при твердой увѣренности, что въ городѣ на постахъ стоятъ внушительные городовые, а по „мелкой земской единицѣ“ неугомонно разъѣзжаетъ конный стражникъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что при старомъ купеческо-домовладѣльческомъ составѣ городскихъ думъ благоустройство городовъ было далеко не блестяще и что „севрюжники“, (какъ либералы называли купечество), вели хозяйство хищнически и даже зачастую мошеннически.

Но, тѣмъ не менѣе, эти самые „севрюжники“ создали Москву, Петербургъ, Кіевъ, Одессу, Харьковъ, Иркутскъ, понастроили кое-какихъ домишекъ, перещеголявшихъ западную Европу, и вообще что-то сдѣлали.

Послѣдующія поколѣнія „севрюжниковъ“, пріумножая родительскія капиталы, измѣнили свой обликъ, облекли свои тѣлеса лондонскими смокингами, познали премудрости высшихъ учебныхъ заведеній, а благодаря деньгамъ, и иностранные языки, ѣздили за границу и въ то-же время сохранили дѣдовскую смѣтку, размахъ и кряжистость.

Наряду съ тѣмъ, этотъ классъ не носилъ характера буржуазіи въ ея европейскомъ значеніи, такъ какъ прежде всего не имѣлъ вліянія на другіе классы и на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Императорская власть стояла надъ всѣми, не подпадая подъ классовое или партійное вліяніе.

Постепенно и русскіе города мѣняли свою физіономію. Русская жизнь шла быстрыми шагами впередъ, удивляя иностранцевъ и пугая ихъ своей силой. Не замѣчали всего этого лишь русскіе и среди нихъ особенно интеллигенція, воспитанная на хныкающей литературѣ неврастеническихъ писателей.

Съ измѣненіемъ Городового Положенія и допущеніемъ въ городскія самоуправленія, кромѣ земельныхъ цензовиковъ, представителей отъ ученыхъ корпорацій, различныхъ обществъ и прочихъ организацій, едва-ли они стали значительно лучше. Новый законъ, давъ рядъ образованныхъ (и тоже не особливо безкорыстныхъ) спеціалистовъ по вопросамъ благоустройства и сопряженной съ нимъ техники, пустилъ въ думы и спеціалистовъ по политикѣ и даже прямо по систематическому разрушенію Россіи.

Въ 1917 году возсѣвшій на вершины власти Державы Россійскія „тишайшій“ князь Георгій Львовъ непротивленно выпустилъ веселень-

кій указъ о переизбраніи самоуправленій на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

А когда чемпіонъ россійской демагогіи Керенскій съ „всешутѣйшей“ бабушкой Брешковской разъяснили освобожденному народу, какъ сіе понимать духовно, то. на ряду съ крушеніемъ всего прочаго, рухнули и всѣ россійскіе муниципалитеты.

Толковые и знающіе дѣло люди, ужаленные ядовитой „четырехвосткой“, ушли, а городскія думы наполнились невѣжественными блудословами изъ безпочвенной интеллигенціи, а главное разными проходимцами и политическими интриганами.

Вся эта публика была выбрана не кореннымъ населеніемъ, а бродячей рванью и бунтующей, невѣсть откуда пришедшей на временную стоянку солдатней, получившей, въ числѣ прочихъ „правъ солдата и гражданина“, также и право вмѣшиваться въ чужія дѣла.

Часть изъ новыхъ городскихъ заправилъ впослѣдствіи примкнула къ большевикамъ, часть-же, похитрѣе, попросту уцѣпилась за свалившіяся на нихъ теплыя мѣстишки, расчитывая прокормиться при всякомъ вращеніи отечественной исторіи, справедливо разсуждая, что режимъ дѣло преходящее, а мы, люди — вещь постоянная. Но была еще часть, и весьма значительная, изъ неисправимыхъ политикановъ соціалистическаго толка, жадныхъ до власти и общественнаго положенія. Во времена большевиковъ, видя на ближнихъ упрощенное судопроизводство своихъ духовныхъ дѣтей, — они спрятались, а съ приходомъ нелюбезной ихъ демократическимъ сердцамъ Добровольческой Арміи, тотчасъ-же высунулись изъ подполья и злобно залаяли.

XXI

Заручившись обѣщаніемъ поддержки со стороны сапожной мастерской, вновь соблазненной щедрыми посулами друзей народа, — ставропольская оппозиція пришла къ Уварову и предъявила сему воеводѣ пункты.

Оппозиція вопросила: какова политическая платформа Арміи, гарантируетъ-ли Армія неприкосновенность достигнутыхъ революціей свободъ и признаетъ-ли учредительное собраніе, равноправіе евреевъ и передачу земли трудящимся.

Уваровъ невозмутимо выдержалъ нагловатый взглядъ пришедшаго „народа“, который сильно сократился, когда въ ту-же комнату вошли кое-какіе военные чины, а также М. М. Старосельскій, бывшій Ставропольскій полиціймейстеръ, и П. Н. Сычевъ, не менѣе значительный начальникъ сыскной полиціи, оба уже возстановленные въ своихъ должностяхъ.

Въ короткихъ, какъ всегда, словахъ Уваровъ заявилъ, что онъ не ясно понимаетъ, почему это такъ сильно интересуетъ г. г. отцовъ города. Затѣмъ Уваровъ разъяснилъ городскимъ демократамъ, что, насколько ему извѣстно, ихъ многополезная дѣятельность должна развиваться въ области, указанной закономъ, то-есть въ починкѣ мостовыхъ, въ установкѣ фонарей и прочихъ благонамѣренныхъ занятіяхъ, которымъ онъ самъ всячески будетъ содѣйствовать.

Только что витіи, весьма недовольные такимъ пріемомъ, вышли за дверь, какъ Сычевъ, заглушая изъ почтенія къ начальству свой басъ, спросилъ: „прикажете посадить Ваше Превосходительство?“ — „Кого?“ — удивился Уваровъ. „А вотъ тѣхъ, что сейчасъ были. Превредные, Ваше Превосходительство, люди; лучше бы ихъ попридержать; сами увидите, что за смутьяны?. — „Ну, что ихъ сажать“, — отмахнулся Уваровъ“. — „Какъ прикажете, Ваше Превосходительство“, — неодобрительно сказалъ Сычевъ, — „но только люди самые вредные, особенно который въ клѣтчатыхъ брюкахъ“.

Черезъ нѣсколько времени проскользнулъ къ Уварову какой-то вертлявый человѣкъ, довольно хорошо говорящій по русски, и заявилъ, что онъ журналистъ и иностранный поданный.

Какой онъ былъ подданный, ни онъ не сказалъ, ни потомъ не дознались, но все обличье и юркія ухватки пришедшаго намекали на принадлежность его къ тому племени, которому еще при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ было указомъ „воспрещено жить въ Имперіи Нашей“.

Бойко привѣтствуя Уварова, какъ „представителя великой Антанты(?!)“, стремящейся установить справедливость на всемъ земномъ шарѣ, наговоривъ чепухи о Вильсонѣ, звѣрствахъ большевиковъ и міровыхъ проблемахъ человѣчества, журналистъ заявилъ, что онъ издаетъ газету и сегодня выйдетъ ея первый номеръ.

Поинтервьюировавъ Уварова относительно общихъ вопросовъ, а также и относительно пособія на газету и быстро расчухавъ, какимъ воздухомъ тянетъ отъ добровольческихъ начальниковъ, — писатель испарился. Въ этотъ-же день онъ носился по зданію городской думы, шушукался съ группами оппозиціи, собиравшимися на грязной лѣстницѣ, служившей кулуарами губернскому парламенту.

На слѣдующее утро Уваровъ получилъ свѣжеотпечатанный листокъ обѣщанной газетки. Въ передовой статьѣ газета призывала демократію всего міра и въ частности Ставрополя помогать всячески Добровольческой Арміи по стольку, по скольку она будетъ „стоять на стражѣ завоеваній февральской революціи“.

— „Если-же“, — восклицалъ патетически авторъ передовицы, — „Армія посмѣетъ посягнуть на завоеванія великой, безкровной, — то пусть она знаетъ, что мы ей крикнемъ мощнымъ голосомъ: руки прочь!“

Узрѣвъ столь замѣчательную словесность, Уваровъ немедленно отправилъ въ редакцію энергичнаго офицера, подкрѣпивъ его на всякій случай двумя пожарными. Но посланный никого не нашелъ, такъ какъ редакторъ (онъ же авторъ передовой и прочихъ статей), опасаясь генеральскаго гнѣва, заранѣе куда-то запропастился.

Лишь черезъ долгое время онъ былъ обнаруженъ въ Екатеринодарѣ, гдѣ неизвѣстно почему оказался не то разсыльнымъ, не то подметальщикомъ въ одной изъ иностранныхъ миссій и ходилъ по Екатеринодару, гордо поднявъ свой гнусный ликъ, прикрытый форменнымъ кепи, построеннымъ за коштъ союзниковъ.

XXVII

Между тѣмъ боевыя дѣйствія приняли серьезный характеръ. Большевики, потѣснивъ части Шкуро, подошли вплотную къ Ставрополю.

Внутри города было также не совсѣмъ все гладко. Сапожная мастерская, подзуженная оппозиціей, не сдавала спрятанное оружіе, крайне необходимое для вооруженія офицерскихъ ротъ. Этому заразительному примѣру послѣдовали и какія-то невѣдомыя самообороны, обосновавшіяся на Старомъ Форштадтѣ. Всѣ онѣ при томъ дѣйствовали довольно хитро, говоря, что оружіе имъ нужно, чтобы самимъ защищать городъ отъ большевиковъ въ случаѣ ухода „кадетъ". Воспользовавшись этимъ заявленіемъ, рѣшительный Уваровъ предложилъ сему вооруженному пролетаріату составить его резервъ. Тѣ согласились. Какъ только они собрались, Уваровъ послалъ ихъ при надежныхъ офицерахъ на окраину города и ввелъ ихъ въ бой, поставивъ сзади полусотню казаковъ съ двумя пулеметами. Испытавъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ прелесть сраженія, сапожники начали скулить, ссылаясь на то, что онѝ шли въ резервъ, а не на фронтъ. Когда-же имъ сказали, что ихъ смѣнятъ скоро, дней черезъ пять, такъ какъ сейчасъ еще не вооружены офицерскія роты, то сапожники мигомъ предложили всѣ свои винтовки: а затѣмъ, рѣшившись, видимо, разъ на всегда покончить съ военной карьерой, сдали и все спрятанное оружіе съ запасомъ патроновъ.

Вслѣдъ за ними разоружились и старофорштадцы; послѣдніе все же провоевали цѣлый день и помогли войскамъ, за что Уваровъ немедленно ихъ поблагодарилъ въ печатномъ приказѣ, широко расклеенномъ по городу. Результатомъ такой благодарности было то, что старофорштадцы, состоявшіе изъ зажиточныхъ мѣщанъ, возгордились своимъ геройствомъ и стали третировать новофорштадцевъ, съ коими были не въ ладахъ отъ сотворенія Новаго Форштадта.

Со дня-же Уваровскаго приказа народы сіи пребывали въ особливо лютой враждѣ. При чемъ старофорштадцы искали защиты у власти и ей покорялись; новофорштатадцы-же на власть огрызались и потому были въ убыткѣ.

XXVIII

Отбивъ большевиковъ подъ самымъ городомъ, утихомиривъ форштадты и засадивъ сапожниковъ тачать сапоги, Уваровъ лихорадочно стягивалъ въ Ставрополь войска.

Утромъ 10 Іюля прибылъ высланный Глазенапомъ съ пути спѣшенный офицерскій эскадронъ, затѣмъ броневой автомобиль и, наконецъ, собрался весь 1-й Черноморскій полкъ Кубанскаго казачьяго войска.

Послѣдній былъ въ большомъ порядкѣ и находился въ крѣпкихъ рукахъ своего командира, войскового старшины Н. И. Малышенко. Внѣшность полка была также внушительна и производила успокаивающее впечатлѣніе на нервныхъ гласныхъ думы, дантистовъ и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Вечеромъ 10 Іюля прибылъ въ Ставрополь черезъ освобожденную отъ большевиковъ станцію Кавказскую и Глазенапъ.

На другой день большевики, усилившись подошедшими къ нимъ резервами, заняли часть Новаго Форштадта, то-есть окраину города. Почти у самой ст. Кавказской велись упорные бои. Съ юга отъ ст. Невинномысской также наступали на Ставрополь красные. Городъ обстрѣливался, какъ артиллерійскимъ, такъ и ружейнымъ огнемъ.

Однако въ теченіе 11 и 12 Іюля Глазенапу удалось разогнать большевиковъ и отбросить ихъ отъ города верстъ на сорокъ.

Въ эти дни губернаторскій домъ, превращенный въ дни свободъ въ помойную яму, еще чистился, а управленіе военнаго губернатора помѣщалось въ четырехъ номерахъ гостиницы Пахалова.

Въ той-же гостиницѣ жили и нѣкоторые совѣтскіе сановники, влетѣвшіе въ Ставрополь, не зная, что онъ уже въ рукахъ добровольцевъ. Всѣ они были люди весьма многоопытные по части фальшивыхъ документовъ и проживали подъ чужими, явно буржуазными именами.

Черезъ короткое время ихъ разъяснили и повѣсили, одновременно съ палачемъ Ашихинымъ, застрявшимъ въ городѣ для какого-то особо темнаго дѣла.

Около 18 Іюля управленіе губернатора перешло въ присвоенный ему домъ.

За эти нѣсколько дней энергичный Глазенапъ сформировалъ изъ офицеровъ и ставропольской молодежи офицерскій полкъ, названный сперва Ставропольскимъ, а впослѣдствіи переменованный въ Кавказскій Офицерскій.

Милиція была распущена, и создана „Городская Стража", составленная изъ уцѣлѣвшихъ городовыхъ и старыхъ солдатъ, знавшихъ и городъ и службу.

Бывшаго воинскаго начальника Полковника Навроцкаго, сидѣвшаго при большевикахъ въ тюрьмѣ, возстановили во всѣхъ правахъ, и подъ его опытной рукой немедленно заработала мобилизаціонная машина.

Одно за другимъ открылись губернскія учрежденія. Городъ началъ принимать человѣческій видъ.

Распоряженіе о свободной торговлѣ возымѣло сразу свое дѣйствіе: пустовавшія при большевикахъ лавки наполнились товарами, какъ подвозимыми, такъ и припрятанными при большевизмѣ.

Въ этотъ періодъ, конечно, центръ тяжести лежалъ не въ устройствѣ губерніи, гдѣ, въ сущности говоря, съ марта мѣсяца не было ни власти, ни порядка, а въ скорѣйшемъ созданіи вооруженной силы, необходимой для борьбы съ большевиками. Въ это-то Глазенапъ по началу и вложилъ всѣ свои силы.

Въ теченіе ближайшихъ-же дней была приведена въ порядокъ 1-я Кубанская казачья бригада (бывшая третья бригада 1-й конной дивизіи), сформирована конная батарея и докончено формированіе Кавказскаго Офицерскаго полка. Одновременно формировались 1-й и 2-й стрѣлковые полки, Запасный кавалерійскій полкъ, Инородческій конный полкъ (изъ калмыковъ, нагайцевъ и трухменовъ), гаубичная батарея, инженерная рота и восемь запасныхъ баталіоновъ. Кромѣ того, при Инородческомъ

полку было положено основаніе Сводному полку Кавказской кавалерійской дивизіи (Тверцы, Нижегородцы и Сѣверцы).

Благодаря энергіи и широкому размаху Военнаго Губернатора, всѣ части обмундировывались, вооружались и размѣщались по казармамъ, быстро приводимымъ въ жилой видъ.

Штабъ Арміи на всѣ эти начинанія не отпускалъ ни одной копѣйки и не могъ отпустить за неимѣніемъ свободной наличности.

Поэтому приходилось изыскивать средства изъ мѣстныхъ источниковъ, чтобы формируемыя части обезпечить положеннымъ довольствіемъ.

Такія средства преимущественно составлялись изъ денежныхъ суммъ, отнятыхъ у захваченныхъ большевитскихъ комиссаровъ, „главковерховъ" и прочихъ хитителей русской казны. Средства собирались и расходовались „гласно", то-есть проводились по установленной отчетности.

Изъ собранныхъ денегъ, помимо расходовъ на войска, Глазенапъ представилъ въ распоряженіе Алексѣева около двухъ милліоновъ рублей въ купюрахъ Имперскаго образца, что составляло въ 1918 году не малую сумму.

Другой источникъ — пожертвованія, былъ не особенно великъ. Какъ примѣръ, можно указать, что одинъ изъ богатѣйшихъ нефтепромышленниковъ пожертвовалъ пять тысячъ „думскихъ".

Значительная часть пожертвованія до Глазенапа не доходила и попадала непосредственно въ войсковыя части, лѣчебныя заведенія и разныя благотворительныя общества, по своей дѣятельности ближе стоящія къ жертвователямъ.

XXIX

Всякое формированіе строевыхъ воинскихъ частей, кромѣ людского и конскаго состава, безчисленнаго имущества, запасовъ и денежныхъ средствъ, — требуетъ еще и времени, необходимаго для воспитанія и обученія.

Пускать въ бой несбитыя обученіемъ и нескрѣпленныя внутренней спайкой части, — значитъ заранѣе почти навѣрное обречь ихъ на пораженіе. Особенно это относится къ частямъ, составные элементы которыхъ сами по себѣ не особенно стойки. Будущая судьба всякой новой части обыкновенно выясняется на ея первомъ боевомъ экзаменѣ: успѣхъ, даже ничтожный, перерождаетъ самыхъ среднихъ людей, вселяя въ нихъ увѣренность въ ихъ силахъ: при неуспѣхѣ часть надолго теряетъ сердце, и тогда приходится начинать всю работу сызнова.

Поэтому и Глазенапъ старался, насколько позволяла обстановка, урвать побольше времени для прочной организаціи формируемыхъ кадровъ. Это тѣмъ болѣе имѣло значеніе въ отношеніи конныхъ полковъ, гдѣ не только сложнѣе обученіе, но требуется еще и отъ младшихъ начальниковъ пріобрѣтеніе извѣстныхъ сноровокъ, необходимыхъ для управленія въ конномъ строю. Офицерская же молодежь, получившая очень поверхностную подготовку на ускоренныхъ курсахъ военнаго

времени сама требовала доработки и возстановленія на спѣхъ пріобрѣтенныхъ ею познаній, частью уже позабытыхъ въ хаосѣ революціи.

Такимъ образомъ, въ концѣ первой половины іюля у Глазенапа, совмѣщавшаго съ должностью Военнаго Губернатора и должность Начальника 1-й отдѣльной Кубанской казачьей бригады, было два кубанскихъ конныхъ полка, конная батарея, Кавказскій Офицерскій полкъ и 2-й стрѣлковый полкъ. Послѣднія двѣ части были только что созданы, но неумолимая обстановка вынудила выслать ихъ на фронтъ. 1-й стрѣлковый полкъ, числясь въ резервѣ, несъ караульную службу въ Ставрополѣ.

Около 15 іюля Командующій Арміей подчинилъ Глазенапу и отрядъ Шкуро, переформировавшійся во 2-ю Кубанскую дивизію. Но это подчиненіе было недоговоренное и на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ исполнялось, какъ снизу, такъ и сверху: Шкуро зачастую посылалъ свои донесенія непосредственно въ Штабъ Арміи, а отъ послѣдняго получалъ отвѣты и даже распоряженія, помимо Глазенапа. Затѣмъ, на правахъ кубанскаго начальника онъ непосредственно сносился съ кубанскимъ войсковымъ штабомъ и даже съ правительствомъ, хотя это никакой необходимостью и не вызывалось; тотъ же Глазенапъ, въ качествѣ строевого начальника кубанскихъ частей, все дѣлалъ исключительно черезъ Штабъ Арміи, обращаясь только къ своему прямому начальству.

Отдавая должное способностямъ Шкуро и его особенному умѣнью работать въ условіяхъ гражданской войны, нужно сказать, что Шкуро въ начинающейся „государственности" былъ не у мѣста. Молодость-ли, экспансивность-ли натуры или, наконецъ, его врожденное партизанство, совершенно не уживались съ размѣренно - правильнымъ и видимо скучнымъ для него укладомъ жизни.

Всякая система была ему совершенно чужда. Не ограничиваясь ролью строевого начальника, онъ занимался еще и „случайной политикой", если такъ можно было-бы опредѣлить его побочныя занятія. По всякимъ подходящимъ случаямъ устраивалъ обѣды и ужины, произносилъ самыя разнообразныя рѣчи, бралъ широкой рукой пожертвованія на Армію и затѣмъ изъ этихъ суммъ всемилостивѣйше самъ жертвовалъ на школы, раздавалъ пособія и поилъ жертвователей. Нерѣдко имъ налагались самостоятельныя контрибуціи, шедшія также на покрытіе самыхъ удивительныхъ расходовъ.

Не лишенъ былъ экзотическихъ оттѣнковъ и его штабъ, въ которомъ сановная важность несоотвѣтственно высокихъ должностей (придуманныхъ честолюбивыми, но не очень знакомыми съ военной администраціей лицами) перемѣшивалась со станичными нравами.

Въ общемъ Шкуро былъ гуляка-партизанъ, типичный герой „малой войны", по несчастью родившійся на сто лѣтъ позже.

XXX.

Директивой Командующаго Арміей Глазенапу было указано удерживать въ своихъ рукахъ Ставрополь и прикрывать желѣзную дорогу Тихорѣцкая - Торговая, дабы обезпечивать сообщеніе съ Ростовомъ.

Иначе говоря, если перейти на терминологію „внѣшнихъ" войнъ,

нужно было удерживать противника отъ Ставрополя до Маныча, то-есть, „занимать фронтъ“ протяженіемъ около 250 верстъ. Такое пространство занималъ въ 1917 году весь русскій „Сѣверный фронтъ“, состоявшій изъ нѣсколькихъ армій.

Конечно, въ гражданской войнѣ сплошного фронта не было, а были отдѣльные боевые участки, а вѣрнѣе даже не участки, а боевыя мѣста. Это вызвало необходимость непрерывнаго маневра. Каждое такое „боевое мѣсто“ постоянно перемѣщалось, бродило, какъ блуждающая почка, ускользая отъ глаза начальника. Бездорожье и скудность средствъ связи еще болѣе затрудняли управленіе на такихъ колоссальныхъ разстояніяхъ, и со стороны начальника требовалось вниманіе, точный расчетъ, а вмѣстѣ съ нимъ находчивость и смѣлость въ операціяхъ.

Скоро большевики поняли, что они потеряли, оставивъ Ставрополь. Помимо извѣстнаго военнаго значенія, а также значенія губернскаго центра съ аппаратомъ управленія, все болѣе и болѣе подчинявшимъ богатую губернію, могшую служить многолѣтней базой даже и для большой арміи, — Ставрополь, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлался русскимъ центромъ будущей русской жизни. Къ тому-же этотъ центръ во всѣхъ отношеніяхъ подчинялся Командованію Арміи, которое, находясь на Кубани, въ гостяхъ у г. г. Бычей, Рябоволовъ и Макаренковъ и иже съ ними, было на положеніи, если и не бѣдныхъ, то во всякомъ случаѣ нелюбимыхъ родственниковъ.

Въ двадцатыхъ числахъ Іюля, когда красная армія была прикована къ весьма серьезнымъ дѣйствіямъ, разгорѣвшимся въ раіонѣ р. Урупъ, большевистскіе „главковерхи“ мобилизовали въ восточной части Ставропольской губерніи до пяти тысячъ крестьянъ и стали продвигаться къ Ставрополю съ востока...

Оттѣснивъ наши слабыя развѣдывательныя части, они достигли д. Старомарьевки, бывшей всего въ двадцати верстахъ отъ города.

Высланный Глазенапомъ отрядъ, не вступая въ затяжные бои, а дѣйствуя лишь маневромъ на тылы и особенно на ставки „главковерховъ“, заставилъ большевиковъ разсѣяться и уцѣлѣвшіе ихъ „кадры“ отойти обратно верстъ на пятьдесятъ.

Въ первыхъ числахъ августа, раскусивъ явную малочисленность добровольцевъ, большевики снова, путемъ жесточайшаго террора, собрали новыя банды мужиковъ, на этотъ разъ тысячъ до восьми, и двинулись вновь на Ставрополь.

Одновременно съ этимъ большевистскія войска, состоящія изъ прибывшихъ съ Волги матросовъ и разныхъ иныхъ народовъ, повели наступленіе въ направленіи на Торговую и с. Медвѣжье. Южнѣе и ближе къ Ставрополю у д. Терновки также насѣдали большевики: этотъ послѣдній пунктъ, большевистски настроенный, постоянно переходилъ изъ рукъ въ руки и находился въ состояніи хроническаго боя.

Рядомъ удачныхъ и рѣшительныхъ маневровъ Глазенапъ разгромилъ большевиковъ къ сѣверу отъ Медвѣжьяго, но передъ Ставрополемъ ихъ наступленіе продолжалось, и 6-го августа большевики заняли весьма значительными силами д. Надежду, находившуюся всего въ 10 верстахъ восточнѣе города.

Глазенапъ, никогда не безпокоившій Командующаго Арміей никакими просьбами, въ первый разъ, учитывая дѣйствительно критическое положеніе, просилъ у Деникина поддержки.

Въ ночь на 8-е августа къ Ставрополю стали подходить со ст. Кавказской эшелоны съ перебрасываемыми частями 2-й дивизіи, должной сосредоточиться у Ставрополя къ 9-му августа.

8-го же, съ разсвѣтомъ, большевики, опьяненные легкимъ успѣхомъ предшествующихъ дней, перешли въ наступленіе и съ разбѣгу заняли окраину города съ вокзаломъ Армавиръ-Туапсинской желѣзной дороги. Положеніе становилось катастрофическимъ. Не смотря на то, что большевистскія войска состояли изъ насильно мобилизованныхъ мужиковъ и не отличались боеспособностью, — они грозили задавить своей превосходной численностью ничтожную горсточку добровольцевъ.

Прибывшій съ головными частями 2-й дивизіи Генералъ-Маіоръ Череповъ, одинъ изъ мужественнѣйшихъ, неоднократно раненыхъ генераловъ добровольческой арміи, не надѣялся на благопріятный исходъ боя.

На главномъ, центральномъ участкѣ, между Армавиръ-Туапсинскимъ и Владикавказскимъ вокзалами уже происходила сумятица, грозившая перейти въ панику. Начальникъ участка генералъ N..., обладавшій нестерпимой храбростью и такой же безтолковостью, командовалъ самъ чуть-ли не звеньями своего боевого участка, совершенно забывъ про резервы. Артиллерія, потерявъ и безъ того свою неполную запряжку, была вывезена на рукахъ и стояла обезлошаденная.

Прибывшій на мѣсто боя Глазенапъ успокоилъ разволновавшихся не въ мѣру воякъ и двинулъ резервы. Высланныя пожарныя лошади были впряжены въ орудія и батарея выѣхала впередъ. Одновременно съ этимъ подошедшій броневой поѣздъ открылъ огонь изъ своихъ крупнокалиберныхъ орудій.

Большевики, не ожидая неожиданнаго сопротивленія и устрашенные громоподобными разрывами чудовищныхъ снарядовъ, заколебались, начали отступать и вскорѣ безпорядочно докатились до д. Надежда.

Выпущенная Глазенапомъ конница, въ составѣ 10 или 12 сотенъ, двинулась въ преслѣдованіе. Окончательно потрясенные большевики уже въ полной паникѣ неслись, кто куда. Преслѣдованіе продолжалось почти трое сутокъ, и наша конница прошла въ Александровскій уѣздъ и заняла село Александровское.

Глазенапъ, пользуясь успѣхомъ, направилъ еще нѣсколько маленькихъ отрядовъ въ промежутокъ между Ставрополемъ и селомъ Благодарнымъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней очистилъ отъ большевиковъ еще часть губерніи. Въ эти-же дни удалось ликвидировать большевиковъ и въ Терновкѣ; деревня была занята, захваченные комиссары и „главковерхи" — повѣшены, а жители — разоружены, включительно до кухонныхъ ножей.

Такимъ образомъ съ восточной стороны красные были не только отбиты, но и разгромлены.

Теперь Ставрополю грозила опасность съ юга.

Тѣснимые добровольцами на Кубани, остатки красной Таманской арміи въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ постепенно отходили на

сѣверо-востокъ. Часть ихъ двигалась на Кавказъ, часть-же на Ставрополь, стремясь прорваться черезъ Ставропольскую губернію къ Волгѣ.

Къ этому времени измѣнился составъ войскъ Ставропольскаго района. Шкуро получилъ новое назначеніе въ Баталпашинскій отдѣлъ, куда и отправился, сманивъ за собой изъ своей дивизіи и изъ бригады Глазенапа нѣсколько сотенъ казаковъ, соблазненныхъ предвкушеніемъ богатой добычи, заманчиво обѣщанной нестѣснявшимся на посулы партизаномъ. Дивизію принялъ Улагай, доблестный офицеръ и начальникъ, приведшій ее скоро, не смотря на всѣ трудности, въ надлежащій видъ. Части сосредоточившейся 9-го и 10-го августа 2-й дивизіи Боровскаго были оставлены подъ Ставрополемъ. Усиленныя Кавказскимъ Офицерскимъ полкомъ и бригадой пластуновъ, онѣ заняли фронтъ южнѣе Ставрополя, прикрывая городъ со стороны ст. Невинномысской. Дивизія Улагая вела операціи въ Александровскомъ уѣздѣ.

Нахожденіе въ губерніи Глазенапа, Боровскаго и Улагая, изъ которыхъ Глазенапъ, соединявшій строевую должность съ военно-административной, пользовался по этой послѣдней, какъ военный губернаторъ, правами командира отдѣльнаго корпуса и потому былъ старше другихъ, — создавало извѣстныя тренія. Эти тренія не разрѣшились и штабомъ Арміи, назначившимъ Боровскаго, какъ старшаго въ чинѣ, командующимъ Ставропольской группой; Глазенапъ Боровскому подчиненъ не былъ, а Улагай, находившійся къ тому-же на отлетѣ, подчинялся Глазенапу такъ-же неопредѣленно, какъ и его предшественникъ Шкуро. Группа же Боровскаго была не что иное, какъ его 2-я дивизія, усиленная Кавказскимъ Офицерскимъ полкомъ и бригадой пластуновъ.

Такимъ образомъ было три боевыхъ начальника съ не совсѣмъ договореннымъ подчиненіемъ. Въ боевую задачу Глазенапа входило прикрытіе желѣзной дороги Тихорѣцкая — Торговая, т. е. фронтъ отъ Ставрополя до Маныча.

Если даже и нѣкоторые военные люди не вполнѣ легко разбирались въ распредѣленіи боевыхъ задачъ и въ послѣдовательности подчиненности, — то гражданское населеніе тѣмъ болѣе не признавало раздѣленія обязанностей и вытекающихъ изъ нихъ правъ и отвѣтственности каждаго и всѣ свои претензіи и жалобы изливало на военнаго губернатора.

Этому усиленно помогала оппозиція, старавшаяся всѣ невзгоды и несчастія приписать административной власти.

Жалобы-же населенія были неизбѣжны. Добровольческія части, недостаточно устроенныя, безъ опредѣленной еще базы, безъ обозовъ, съ невозможностью регулярнаго подвоза, обрекались на жизнь за счетъ мѣстнаго населенія и прибѣгали къ постояннымъ реквизиціямъ и поборамъ.

Оборудованіе каждымъ начальникомъ своего собственнаго тыла, съ устройствомъ постоянно мѣняющихся этапныхъ линій и комендатуръ, а также наложеніе контрибуцій, — все это естественно затрагивало интересы населенія.

То, что въ „настоящей“, внѣшней войнѣ дѣлалось по строго и систематично установленному распорядку, съ однообразнымъ, а слѣдовательно, какъ казалось населенію, одинаково тягостнымъ, а потому и

справедливымъ его примѣненіемъ, — въ гражданской войнѣ не укладывалось въ рамки прежней законности и вносило постоянную неурядицу.

При такихъ условіяхъ Глазенапу приходилось возстанавливать и налаживать потрясенную революцией жизнь губерніи.

XXXI

Вскорѣ послѣ взятія Екатеринодара была очищена и вторая русская губернія — Черноморская, гдѣ Военнымъ Губернаторомъ Командующій назначилъ А. П. Кутепова.

Представленный Глазенапомъ на усмотрѣніе Штаба Арміи обширный проэктъ положенія о Ставропольскомъ военномъ губернаторствѣ, обнимавшій и чисто мѣстныя нужды, особенно въ отношеніи калмыковъ, ногайцевъ, трухменъ и прочихъ инородцевъ, жившихъ обособленной жизнью, — разсмотрѣнъ не былъ. Штабъ-же Арміи самъ разработалъ короткое общее положеніе, къ сожалѣнію недостаточно опредѣленное для тогдашняго исключительнаго времени. Другихъ никакихъ руководящихъ указаній пока не давалось. При личныхъ докладахъ Глазенапа, дѣлаемыхъ имъ Деникину, Романовскому и Лукомскому, — онъ обычно всегда получалъ одобреніе своихъ проэктовъ, но все это было въ большинствѣ случаевъ на словахъ и рѣдко сопровождалось письменными подтвержденіями, столь необходимыми въ переживаемой обстановкѣ.

Въ этотъ періодъ управленіе самой Арміи только еще зарождалось. Всѣ административныя распоряженія, по всѣмъ вопросамъ, обычно передавались записками или телеграммами Дежурнаго Генерала. Не было ни отдѣловъ, ни министровъ, ни прочей сложной машины.

А самое главное, не было, или по крайней мѣрѣ не чувствовалось опредѣленныхъ и ясныхъ основаній для строительства новой жизни.

Когда горитъ домъ, то пожарные спасаютъ обитателей горящаго дома и тушатъ пожаръ тѣми шаблонными способами, которые выработались годами практики и изложены въ соотвѣтственныхъ инструкціяхъ, въ видѣ готовыхъ рецептовъ.

Но если загорится сумасшедшій домъ, то очевидно, что эти рецепты не будутъ пригодны въ той-же мѣрѣ, ибо спасать умалишенныхъ нельзя такъ, какъ спасаютъ здоровыхъ.

Между тѣмъ вся Россія во времена большевизма представляла изъ себя именно горящій сумасшедшій домъ, и такой пожаръ нужно было тушить особыми средствами, чтобы спасти изъ краснаго пламени свихнувшихся отъ революціи россіянъ.

Вотъ это-то и мало кѣмъ понималось.

Высшее командованіе, состоящее изъ людей, чуть-ли не съ ранняго дѣтства воспитанныхъ въ строгой дисциплинѣ и уваженіи къ закону, — естественно тянулось къ законности, той привычной законности, какая была въ русскомъ законодательствѣ.

Обстановка-же требовала только тушенія всероссійскаго пожара и спасенія хотя-бы части Россіи какой угодно цѣной и какими угодно жертвами, которыя были-бы во всякомъ случаѣ меньшими, чѣмъ принесенныя русскимъ народомъ на кровавый алтарь коммунизма.

Ни Алексѣевъ, ни Деникинъ не предрѣшали открыто будущаго устройства Россіи и ея территоріи и, какъ казалось со стороны, не брали на себя твердаго проведенія опредѣленной программы, даже въ ея ближайшихъ стадіяхъ.

Армія шла подъ знаменемъ трехцвѣтнаго національнаго флага, который былъ для нея необыченъ и блѣденъ. Три его, разныя по значенію цвѣта полосы, лишенныя объединяющей эмблемы, дразнили каждаго различными надеждами, не обѣщая никому ничего. Начертанныя на знамени слова „Единая, недѣлимая Россія" понимались различно.

Практическое-же ихъ приложеніе къ жизни, съ постоянными и часто вынужденными уступками передъ силой и нахальствомъ политическихъ сепаратистовъ, и слабая борьба съ послѣдними, подорвали очень скоро значеніе этого лозунга, превратившагося въ мертвую вывѣску.

А между тѣмъ именно его практическое значеніе и должно было быть огромнымъ.

XXXII.

Въ литературѣ, появившейся въ возникшихъ послѣ міровой войны государствахъ (Польшѣ, Финляндіи, Литвѣ, Латвіи и Эстоніи), очень часто подчеркивается ихъ отрицательное отношеніе къ русскому добровольческому движенію по той причинѣ, что добровольцы, идя за „Единую, недѣлимую Россію" тѣмъ самымъ покушались на самостоятельность этихъ государствъ. При этомъ чаще всего указываютъ на Деникина, какъ на главнаго носителя и выполнителя этой идеи.

„Періодъ Деникина" продолжался съ 31-го марта 1918 года по 21-ое марта 1920-го. Въ его время самостоятельнымъ государствомъ была Финляндія, получившая еще въ первый день революціи, при помощи своего неизмѣннаго ходатая Ф. Родичева, значительныя политическія права. Вопросъ будущихъ отношеній съ Финляндіей былъ вообще однимъ изъ самыхъ деликатныхъ вопросовъ, и едва-ли Деникинъ, воюя въ Кубанскихъ степяхъ, могъ предпринять по нему какое-либо рѣшеніе. Что-же касается Польши, то ея самостоятельность была предрѣшена еще въ 1914 году, и на это указывалъ рядъ актовъ Императорскаго Россійскаго Правительства, объявленныхъ въ предѣлахъ допустимой гласности. Возстановленіе Польши преднамѣчалось Высочайшей волей Государя Императора Николая II, о чемъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО еще осенью 1914 года высказался французскому послу М. Палеологу, подтвердившему это въ своихъ, изданныхъ уже мемуарахъ. Слѣдовательно, добровольческіе вожди, считавшіе себя законными преемниками Россійской Власти, тѣмъ самымъ являлись и преемниками главнѣйшихъ предначертаній Императора. Это было тѣмъ болѣе для нихъ легко, такъ какъ совпадало съ политикой союзниковъ, которыхъ неуклонно держалась Армія. Кромѣ того, и Деникинъ, и его преемники тѣсно связались съ Польшей общностью военныхъ интересовъ въ борьбѣ противъ большевиковъ, и, если есть справедливость, исторія не сможетъ обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что добровольческое движеніе помогло полякамъ въ ихъ борьбѣ съ большевиками, оттягивая на себя значительныя большевистскія силы съ польскаго фронта.

Поэтому нѣтъ никакихъ основаній говорить, что Алексѣевъ или Деникинъ (Корнилову въ „Ледяномъ походѣ" было вообще не до политики) были бы противниками самостоятельности Польши и Финляндіи. Вопросъ былъ лишь въ опредѣленіи государственныхъ границъ и будущихъ отношеній, вѣроятно болѣе пріемлемыхъ и, во всякомъ случаѣ, болѣе учтивыхъ, чѣмъ отношенія правительства Совдепіи и ея пахнущихъ чеснокомъ дипломатовъ.

Вновь-же созданныхъ Литвы, Латвіи и Эстоніи во времена Деникина не было и въ поминѣ; ихъ территорія занималась, гдѣ нѣмцами, гдѣ большевиками, при чемъ Латвія и Эстонія обязаны своимъ спасеніемъ отъ красныхъ поработителей тѣмъ-же добровольцамъ Сѣверо-Западной Арміи Юденича.

Европа въ лицѣ Лиги Націй признала независимость этихъ карликовыхъ государствъ, и то не совсѣмъ окончательно, лишь въ концѣ 1921 года. И почемъ знать, что для нихъ самихъ было-бы лучше. Перебиваться, какъ теперь, съ хлѣба на квасъ, ради какой-то юмористической независимости, или же, подъ крыломъ сильнаго Русскаго Орла, жить спокойной жизнью, безъ боязни за завтрашній день и не тыркаясь ежеминутно носомъ въ пограничные заборы своихъ курятниковъ.

Какъ „единыя и недѣлимыя" Польша, Финляндія, Эстонія, Латвія и Литва никогда не дадутъ никакой самостоятельности ни Галиціи, ни Виленщинѣ, ни русскимъ уѣздамъ Витебской губерніи и не создадутъ на своей землѣ никакихъ автономныхъ провинцій, — ибо такія дѣйствія были бы равносильны государственному самоубійству, — такъ естественно и добровольческое Командованіе не могло допустить на своей маленькой территоріи нарожденія „удѣльной" системы, приведшей въ концѣ концовъ „самоопредѣлявшіеся" народы подъ общее иго Бронштейна.

XXXIII

Всѣ разсужденія объ общности использованія земныхъ благъ, а тѣмъ болѣе ихъ осуществленія въ порядкѣ ли несбыточныхъ человѣческихъ отношеній, предлагавшихся наивнымъ Фурье, въ порядкѣ-ли казарменной государственности Аракчеева, или нынѣ въ порядкѣ наглаго разбоя московскихъ коммунистовъ, — всегда противны человѣческой природѣ.

И что-бы ни говорили и ни дѣлали проповѣдники соціалистическихъ ученій, и какъ-бы ихъ ни старались воспринять массы, никогда и никому не удастся уничтожить въ человѣческой натурѣ животнаго чувства собственности и вытекающей изъ него жадности. И это менѣе всего доступно именно соціалистамъ, потому что эти люди, противопоставляя культурѣ христіанскаго духа матерьяльныя начала, — проповѣдуютъ перестроеніе жизни исключительно на основахъ матеріализма. Такое ученіе вноситъ соблазнъ въ малоимущіе классы, стремящіеся всегда сдѣлаться въ той или другой формѣ многоимущими; соціалистическая же агитація, не будучи въ состояніи направить примитивное мышленіе массъ къ усвоенію теоріи въ ея цѣломъ, — раскрываетъ лишь ближайшія прак-

тическія возможности, и близостью ихъ осуществленія только дразнитъ и разжигаетъ притаившійся инстинктъ алчности.

И потому ни въ одну эпоху России не проявлялось такъ сильно чувство собственности и какое-то болѣзненное ея желаніе, какъ во время русской революціи. Когда агитація соціализма дошла до своего зенита, а крушеніе государственной власти дало свободу хищническимъ стремленіямъ равнодушнаго ко всякимъ теоріямъ народа, — послѣдній не замедлилъ использовать свои вѣковыя мечты о пріумноженіи своихъ личныхъ благъ.

Стремленіе къ собственности во всѣхъ ея видахъ охватило не только низшіе слои, но охватило и другіе классы; разница была въ масштабѣ, сущность же оставалась неизмѣнной.

Если мужики тащили изъ барскихъ усадьбъ всякое добро, безсмысленно разрушая при этомъ культуру ряда поколѣній, то г. г. интеллигентные дѣятели не менѣе усердно тащили министерскіе портфели и сановныя мѣста, разрушая культуру русской государственности. Когда-же государственность стала дышать на ладанъ, то тѣ-же господа принялись растаскивать державу Россійскую по кускамъ, со всѣми живущими на нихъ животами. Но такъ какъ они были люди съ болѣе развитыми чувствами, то и чувство собственности и жадность у нихъ носили болѣе утонченный характеръ.

Умъ простолюдина, направленный къ непосредственному обогащенію, ограничивался преимущественно захватомъ ясно видимыхъ вещей, особенно тѣхъ, что были вблизи него и служили предметомъ его долгой зависти. Умъ-же интеллигента, привыкшій къ отвлеченности, естественно устремлялся къ захвату отвлеченныхъ и также соблазнявшихъ его богатствъ, изъ которыхъ самымъ заманчивымъ была власть.

Въ то время, когда честное казачество Дона, Кубани, Терека и Астрахани лило потоки своей крови въ дѣйствительно героической борьбѣ за жизнь своей родины, — тыловые политиканы, не подвергавшіе свою драгоцѣнную жизнь опасности, всячески укрѣплялись на отхваченныхъ ими кускахъ Россіи.

На Кубани самостійники вели двусмысленную игру, посылали делегаціи въ Европу, заключали враждебные договоры, хулили своихъ спасителей Алексѣева и Деникина и требовали непріемлемой для Россіи самостоятельности, нужной самозваннымъ Кубанскимъ министрамъ и не нужной обманутому ими коренному казачеству.

Донъ шелъ отдѣльно, не признавая союзниковъ, ведя свою иностранную политику и опираясь на поддержку Германіи. Въ такихъ же почти условіхъ создалась Украина. Въ этомъ государствѣ былъ даже изгнанъ русскій языкъ, на которомъ говорили вѣками и Кіевъ, и Черниговъ, и Полтава, и большинство малорусскаго населенія, и замѣненъ галиційской „мовой“, далеко не схожей съ малороссійскимъ говоромъ и лишь внесшей комическій элементъ въ трагедію Малороссіи.

Крымъ, послѣ очищенія его нѣмцами, жилъ также независимой жизнью, услаждаясь политическими мелодіями еврейско-татарскихъ композиторовъ, исполнявшихъ бравурные мотивы подъ режиссерствомъ

„кадетскаго“ главаря Винавера и демократическаго С. С. Крыма, богатѣйшаго таврическаго землевладѣльца.

Толкавшіе Россію въ пропасть думскіе депутаты Чхеидзе и Церетелли, съ компаніей ишакоподобныхъ „кинто“ правили „независимой“ Грузіей.

Далѣе шли Азербейджанъ, горскіе народы, южная армія и отдѣльный саратовскій корпусъ, съ походнымъ губернаторствомъ въ двухъ уѣздахъ. Въ безлюдныхъ Задонскихъ степяхъ, среди удивленныхъ верблюдовъ, кочевало астраханское правительство съ атаманомъ, министрами и прочими атрибутами заправскаго государства, кормившееся при помощи бумажныхъ денегъ Россійскаго Имперскаго образца, щедро отпечатанныхъ Лейпцигскими типографіями. Въ калмыцкихъ кочевьяхъ Ротмистръ Кн. Тундутовъ объявилъ себя калмыцкимъ владыкой и хлопоталъ о покореніи подъ нозѣ своя Атамана Астраханскаго.

Все это шумѣло, галдѣло, заводило свои парламенты и конституціи, формировало арміи, производило въ чины, печатало деньги и требовало все большей и большей независимости.

Единственно еще государственную физіономію носилъ Донъ, гдѣ опытная рука П. Н. Краснова сдѣлала многое, чтобы ослабить вредное сепаратистское теченіе, сносившее, какъ рѣчная вода, государственныя начинанія своего Атамана.

При такой обстановкѣ понятно, что принципъ „единой и недѣлимой Россіи“ былъ нуженъ не какъ отправная данная для будущихъ территоріальныхъ споровъ съ сосѣдними государствами, а именно въ отношеніи къ уѣздному сепаратизму, пышно всходившему на добровольческомъ югѣ Россіи.

Къ сожалѣнію этотъ принципъ не проводился въ жизнь: Командованіе Арміи всегда слишкомъ скромно оцѣнивало свои силы, а безсовѣстную наглость безотвѣтственныхъ самостійниковъ принимало за ихъ силу.

Жизнь-же еще вынесла всѣ эти вопросы изъ области административнаго распорядка въ область почти внѣшней политики, такъ какъ всѣ разговоры съ явочно возникшими „удѣлами“ велись черезъ представителей, уполномоченныхъ и прочихъ дипломатическихъ козявокъ, осаждавшихъ ставку.

Алексѣевъ и Деникинъ иногда ходили, какъ въ тенетахъ, въ шумливой неразберихѣ междурусскихъ отношеній.

Но если въ этихъ отношеніяхъ не удавалось взять прямого и рѣшительнаго курса, то еще сложнѣе были вопросы внутренней политики, разрѣшавшіеся къ тому же въ каждомъ „удѣлѣ“ по своему.

А такія колебанія отражались и на добровольческой провинціи.

XXXIV

Въ Ставропольской губерніи было одно то хорошо, что это была губернія русская. Никакихъ сепаратистскихъ стремленій въ ней никто не проявлялъ, за исключеніемъ прокурора Краснова, лепетавшаго по началу какую-то дрянь о „республикѣ южно-русскаго союза“.

Но за то внутренняя политика и здѣсь обрѣла затхлый омутъ, гдѣ развивались губительныя бациллы страстишекъ, вредно отзывавшихся на работѣ.

Общественные дѣятели, вмѣсто того, чтобы просто работать и налаживать хоть сколько-нибудь сносную человѣческую жизнь, вложили весь запасъ своей энергіи въ мелкое интриганство, направленное противъ власти.

Вредность-же этого интриганства усиливалась неопредѣленностью верховъ власти, съ одной стороны стоявшихъ на почвѣ строгой законности, а съ другой мирволившихъ беззаконности, учиняемой протестантами.

Въ одномъ изъ первыхъ-же приказовъ Ставропольскаго Военнаго Губернатора былъ между прочимъ помѣщенъ пунктъ слѣдующаго содержанія: „Ставропольская губернія управляется на основаніи Законовъ Россійской Имперіи, со всѣми дополненіями и продолженіями по 26 февраля 1917 года, и на основаніи приказовъ Командующаго Добровольческой Арміей".

Такой приказъ отдавался не случайно, а именно для того, чтобы дать извѣстную отправную данную для губернской жизни.

Съ точки зрѣнія государственнаго права Добровольческая Армія являлась какъ бы „походнымъ государствомъ". Главнѣйшій-же признакъ государственности, т. е. территорія, была неопредѣленна и измѣнчива. Но такъ или иначе, эта территорія была, и ею считалась вся та мѣстность, которая подчинялась Командованію или на которую Командованіе имѣло извѣстное вліяніе.

Ни основныхъ, ни иныхъ своихъ собственныхъ новыхъ законовъ у „государства" не было. Жить безъ законовъ было очевидно невозможно, и потому естественно возникалъ вопросъ, какими законами слѣдовало руководствоваться.

Во главѣ Арміи стоялъ ея Командующій, а надъ нимъ (практически-же рядомъ съ нимъ) еще и Верховный Руководитель Арміи. (Алексѣевъ считался Верховнымъ Руководителемъ Добровольческой Арміи).

Безусловно разрѣшеніе столь важныхъ вопросовъ долженствовало исходить отъ нихъ. Но ни тотъ, ни другой, особенно въ началѣ іюля 1918 года никакихъ указаній не давали и не могли объ этомъ и думать, находясь на походѣ въ непрерывныхъ бояхъ. Между тѣмъ часть Ставропольской губерніи уже входила въ составъ добровольческой территоріи и, слѣдовательно, нуждалась въ законахъ.

Съ какой-бы точки зрѣнія ни разсматривать законность власти Командующаго, даже какъ возникшую явочнымъ порядкомъ, но такая власть существовала, и потому тѣ, кто ее признавали, должны были и считаться съ ея велѣніями. Власть-же Командующаго по своей природѣ была неограниченная, или даже диктаторская. Элементъ неограниченности, а тѣмъ болѣе диктатуры, давалъ ей широкій просторъ и, если и не право, то возможность вводить то или другое законодательство.

Такимъ образомъ можно было-бы прямо сказать, что территорія Арміи управляется распоряженіями, исходящими отъ Командующаго. Но это было-бы очень туманно и не давало-бы основъ для жизни прежде всего потому, что именно распоряженій отъ Командующаго почти не

исходило, а съ другой стороны рѣдкія его распоряженія подкрѣплялись постоянно ссылками на русскіе законы.

И такъ, приказъ Ставропольскаго Военнаго Губернатора былъ во всякомъ случаѣ законенъ и практически вполнѣ пріемлемъ. Имъ давались главныя основы законности: законы Имперіи и распоряженія командованія.

Когда приказъ выпускался, то его подписалъ не Глазенапъ, находившійся въ то время на фронтѣ, а его помощникъ Уваровъ, котораго Ставропольская оппозиціонная общественность сразу-же почла за первѣйшаго контръ-революціонера.

И вотъ эта самая общественность, не смотря даже на нѣкоторую опасность тотдашняго путешествія въ сферу боевыхъ дѣйствій, понеслась въ штабъ Арміи съ жалобой на губернатора. Жалоба заключалась въ томъ, что губернаторъ якобы не признаетъ законовъ Временнаго Правительства и даже ихъ отрицаетъ. Дѣло дошло до Командующаго въ крайнѣ преувеличенномъ и раздутомъ видѣ, съ завѣдомо даже ложнымъ докладомъ, будто приказъ настолько взволновалъ населеніе губерніи, что оно, ждавшее Армію, теперь поголовно возстаетъ противъ нея, какъ явно реакціонной силы. Отъ штаба Арміи по этому поводу Глазенапъ никакихъ указаній не получилъ, а одинъ вернувшійся изъ поѣздки жалобщикъ сообщилъ обо всемъ Глазенапу и передалъ на словахъ, что Командующій приказалъ немедленно приказъ отмѣнить. Глазенапъ посовѣтовалъ черезъ-чуръ энергичному дѣятелю не безпокоиться о вопросахъ не его компетенціи и, конечно, на основаніи такой словесной передачи распоряженія Деникина, — приказа не отмѣнилъ.

Черезъ нѣкоторое время начальникъ штаба Глазенапа былъ съ докладомъ у начальника штаба Арміи генерала Романовскаго и просилъ окончательныхъ указаній по данному дѣлу. „Да, да, знаю“, — сказалъ Романовскій, — „отмѣните этотъ приказъ, а то про насъ говорятъ, что мы не хотимъ признать законовъ Временнаго Правительства“.

Въ томъ, что Ставропольская губернія, какъ и вся Россія, по мѣрѣ ея освобожденія отъ большевиковъ, должна была руководствоваться какими-либо законами, врядъ-ли кто сомнѣвался. Также казалось несомнѣннымъ и то, что основой будущаго новаго русскаго законодательства, если-бы такое появилось, должны были, вѣроятно, служить не кодексы племени Нямъ-Нямъ, а именно исторически сложившіеся законы Россійской Имперіи.

При Временномъ Правительствѣ вышло также не мало хорошихъ законовъ, особенно изъ числа тѣхъ, что еще заранѣе были выработаны и, пройдя всѣ стадіи законодательнаго теченія, получили обнародованіе послѣ 28-го февраля.

Но признать всѣ законы, изданные болариномъ княземъ Львовымъ со товарищи и его преемниками не представлялось возможнымъ. При огульномъ признаніи такихъ законовъ, нужно было-бы признать и подписанные А. И. Гучковымъ въ угоду петроградскаго явочно возникшаго „совдепа“ приказы Военному Вѣдомству о демократизаціи или, что вѣрнѣе, разрушеніи арміи, о комитетахъ, безумную декларацію правъ солдата и прочую, явно агитаціонную литературу, брошенную въ войска подъ видомъ новаго демократическаго законодательства.

Само командованіе ихъ не признавало, и въ широко распространенныхъ правилахъ о пріемѣ добровольцевъ, изданныхъ за подписью Романовскаго, опредѣленно указывалось, что Добровольческая Армія руководствуется русскими воинскими уставами, изданными до 28-го февраля 1917-го года.

И, какъ не могла армія признать военныхъ законовъ Временнаго Правительства, такъ не могла признать и многихъ другихъ.

Если-же она-бы ихъ признала полностью, то тогда въ порядкѣ юридической послѣдовательности пришлось-бы признать, если не въ качествѣ закона, то во всякомъ случаѣ законнаго распоряженія и „дѣйство" главы Временнаго Правительства Керенскаго о преданіи Корнилова, Деникина и ихъ ближайшихъ соратниковъ суду, котораго они избѣгли лишь путемъ явно незаконнаго съ той-же точки зрѣнія бѣгства изъ Быховской тюрьмы.

На всѣ эти доводы Романовскій усмѣхнулся своей обычной полуулыбкой и сказалъ: „Да, конечно, но все-же лучше приказъ отмѣнить, мы даже это кому-то обѣщали".

Когда-же начальникъ штаба Глазенапа просилъ Романовскаго дать объ отмѣнѣ приказа письменное распоряженіе, то Романовскій отвѣтилъ: „Ну, что-же, вы требуете отъ меня расписку?"

По докладу начальника штаба Глазенапъ приказа не отмѣнилъ, о чемъ при первомъ-же своемъ докладѣ въ присутствіи Романовскаго доложилъ Деникину. Романовскій усмѣхнулся, Деникинъ промолчалъ. Казалось, что верхи Арміи не могли принять опредѣленныхъ рѣшеній. Жизнь ждала отъ власти ея повелѣвающаго голоса, а власть ждала въ свою очередь, что жизнь сама разрѣшитъ всѣ вопросы.

Въ такихъ слишкомъ неопредѣленныхъ условіяхъ законодательство „походнаго государства" шло скачками, носившими случайный характеръ.

Въ своихъ стремленіяхъ Армія была правая, но, идя по правому пути, дѣлала частые зигзаги влѣво, маневрируя и видимо уклоняясь отъ встрѣчи съ нарождающимися внутренними врагами.

Послѣ нѣкоторыхъ обсужденій со штабомъ Арміи, по настоянію послѣдняго было возстановлено Ставропольское городское самоуправленіе въ составѣ, избранномъ по законамъ Временнаго Правительства, съ тѣмъ, однако, чтобы впослѣдствіи произвести новые выборы на основаніи особыхъ положеній, подлежащихъ разработкѣ Арміей. Пока-же оппозиціи дѣлалась явная уступка, и она не замедлила сказаться.

Предсѣдателемъ городской думы возстановленъ былъ прокуроръ суда В. М. Красновъ. Этотъ удивительный, выдвинутый Керенскимъ, юристъ находилъ возможность совмѣщать должность предсѣдателя городской думы съ должностью представителя „независимаго" судебнаго вѣдомства, чѣмъ, конечно, умалялъ свое званіе и значеніе, какъ прокурора.

Могъ-ли такой прокуроръ блюсти законность и наблюдать за ней въ томъ городскомъ самоуправленіи, которое онъ самъ-же и возглавлялъ?

XXXV

При безнадежности неисправимыхъ демагоговъ и при невозможности отъ нихъ избавиться, мѣстной власти пришлось взять въ свои руки всѣ отрасли губернской жизни, не считаясь съ неблагопріятной окружающей обстановкой.

Въ это время Ставропольская губернія, помимо того, что она была сама по себѣ территоріей Арміи и, слѣдовательно, нуждалась въ скорѣйшемъ устроеніи, она еще и должна была явиться для той-же Арміи ея базой.

Это послѣднее и учелъ Глазенапъ, стараясь какъ можно больше использовать все то, что могло облегчить Армію въ ея боевыхъ дѣйствіяхъ.

Были пущены въ ходъ мельницы, собирались запасы продовольствія и отправлялись въ войска. Въ быстро ремонтируемыхъ казармахъ размѣщались воинскія части и открывались одинъ за другимъ лазареты.

Интендантскіе склады, приведенные въ извѣстность, пополнялись захватываемой у большевиковъ добычей. Починомъ Глазенапа былъ открытъ рядъ мастерскихъ для выдѣлки и починки обоза, оборудована и пущена въ ходъ фабрика сукна, и налажена выдѣлка въ большомъ количествѣ обуви.

Разбѣжавшихся по губерніи въ началѣ революціи нѣсколько тысячъ военно-плѣнныхъ собрали въ лагерь и ихъ трудомъ обслуживали не только мастерскія и лечебныя заведенія, но впослѣдствіи и цѣлый рядъ армейскихъ учрежденій получалъ изъ тѣхъ-же военно-плѣнныхъ рабочія команды.

Въ ближайшее-же время открылись мастерскія для починки оружія, ремонта автомобилей и прочихъ военно-техническихъ надобностей. Все это долго обслуживало Армію, и нѣкоторыя изъ созданныхъ въ Ставрополѣ военно-вспомогательныхъ заведеній просуществовали до конца Крыма.

Значительное количество приходившихъ временно въ Ставрополь войскъ снабжались самыми разнообразными предметами воинскаго снаряженія и обумундированія, не говоря уже объ обильно отпускаемомъ продовольствіи.

На ряду съ этимъ установилась мѣстная жизнь. Были выпущены размѣнные чеки, ходившіе наравнѣ съ русскими Имперскими кредитками, такъ какъ обмѣнивались на послѣднія и на казначейскія свидѣтельства въ крупныхъ купюрахъ.

Въ очень скоромъ времени удалось открыть ставропольскія учебныя заведенія, объединивъ ихъ подъ общимъ надзоромъ одного изъ солидныхъ педагоговъ на правахъ попечителя учебнаго округа. Молодежь подтянулась; старшіе пошли добровольцами въ Армію, младшіе-же принялись за грамоту.

И все приходилось дѣлать при близости боевыхъ позицій.

Въ послѣднихъ числахъ августа въ Ставрополь пріѣхалъ Деникинъ. Населеніе устроило весьма торжественную встрѣчу. Почти для всѣхъ его пріѣздъ былъ дѣйствительно праздникомъ, и огромное большинство

жителей по мѣрѣ силъ и возможности старались оказать Командующему свое вниманіе.

Общій тонъ высказанныхъ многочисленными депутаціями привѣтствій нѣсколько нарушилъ В. М. Красновъ, и тутъ неутерпѣвшій, чтобы не наплести въ своей рѣчи о значеніи достигнутыхъ революціей свободъ и объ учредительномъ собраніи.

Два-же главныхъ застрѣльщика оппозиціи, приготовившіеся наговорить какой-то революціонной дряни, были еще съ утра посажены начальникомъ штаба Глазенапа на гауптвахту, гдѣ благополучно и митинговали вдвоемъ до отъѣзда Командующаго.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ часть освобожденной губерніи энергично приводилась въ порядокъ. Всѣ мобилизаціи и поставки отъ населенія исполнялись точно и безъ особыхъ треній. Губернская машина работала полнымъ ходомъ.

Но военное положеніе стало ухудшаться. Большевики все болѣе и болѣе напирали на Ставрополь съ юга. Этотъ напоръ однако удавалось сдерживать, и въ общемъ жизнь протекала еще спокойно.

Въ теченіе сентября въ Арміи произошли нѣкоторыя переформированія. Между прочимъ, 1-я отдѣльная Кубанская казачья бригада Глазенапа была развернута въ 4-ю дивизію, въ которую, кромѣ этой-же бригады, вошла еще и стрѣлковая бригада (въ составѣ 1-го и 2-го стрѣлковыхъ полковъ) и вспомогательныя части.

Въ то время въ Арміи было четыре отдѣльныхъ дивизіи: 1-я Казановича, 2-я Боровскаго, 3-я Дроздовскаго и 4-я Глазенапа. Конница преимущественно была казачья, главнымъ образомъ кубанская, состоявшая изъ двухъ дивизій: 1-й Покровскаго и 2-й Улагая и нѣсколькихъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Регулярная конница находилась въ зачаткѣ, и 1-я конная дивизія состояла пока изъ двухъ офицерскихъ конныхъ полковъ; прочіе полки были казачьи. Начальникомъ 1-й конной дивизіи былъ Эрдели, но онъ уѣхалъ въ командировку, и ею временно командовалъ Врангель, назначенный въ 1-ю конную дивизію тотчасъ-же по своемъ прибытіи въ Армію.

Формированіе новыхъ конныхъ полковъ (Запаснаго кавалерійскаго и Инородческаго) также подвигалось; задержка происходила отъ недостатка матеріальной части и особенно сѣделъ, для выдѣлки которыхъ пришлось создавать особую мастерскую.

Съ Инородческимъ полкомъ возникли еще и нѣкоторыя „политическія осложненія". Неожиданно въ калмыцкихъ степяхъ объявились какіе-то знатные иностранцы, передавшіе калмыкамъ отъ имени кн. Тундутова повелѣніе служить не въ Добровольческой, а въ Астраханской арміи. Въ подтвержденіе-же астраханскаго могущества эти господа раздавали калмыкамъ трехрублевыя ассигнаціи, возымѣвшія на инородческіе умы свое дѣйствіе, и калмыки слегка зашумѣли.

Рѣшительное вмѣшательство Деникина сразу прекратило такое безобразіе, и астраханскіе вербовщики скрылись. Тѣмъ не менѣе часть калмыковъ изъ запасной сотни и изъ полка удрала и потонула въ необъятномъ просторѣ Манычскихъ степей.

XXXVI

Увеличившiяся боевыя силы Глазенапа скоро опять уменьшились. Командиромъ стрѣлковой бригады имъ предназначался Уваровъ, много поработавшiй надъ ея созданiемъ и тяготившiйся административной службой. Но вслѣдствiе постоянныхъ на него жалобъ губернской оппозицiи за его „крайне реакцiонное“ направленiе, былъ не въ чести въ штабѣ Армiи, и вмѣсто него командиромъ бригады Командующiй назначилъ Генералъ-Лейтенанта Станкевича, бывшаго корпуснаго командира, георгiевскаго кавалера 4-й и 3-й степеней, во всѣхъ отношенiяхъ человѣка заслуженнаго и почтеннаго. Будучи по службѣ и по возрасту значительно старше Глазенапа, онъ видимо тяготился такимъ подчиненiемъ и, числясь командиромъ бригады, фактически имъ не былъ. По распоряженiю Деникина Станкевичу дали отдѣльный отрядъ, подчиненный непосредственно Командующему, въ составѣ сформированныхъ Станкевичемъ польскихъ частей, 2-го стрѣлковаго полка и казаковъ.

При такомъ положенiи стрѣлковая бригада 4-й дивизiи перестала существовать, такъ какъ остался лишь одинъ 1-й стрѣлковый полкъ.

Вскорѣ 1-й стрѣлковый полкъ, усиленный двумя сотнями Черноморцевъ, былъ двинутъ въ Благодаренскiй уѣздъ и овладѣлъ селомъ Петровскимъ, гдѣ и остался, ведя боевыя дѣйствiя противъ большевиковъ къ востоку отъ Петровскаго.

Въ этомъ раiонѣ въ двадцатыхъ числахъ сентября начались упорные бои противъ значительныхъ силъ большевиковъ, подошедшихъ отъ Каспiйскаго моря и съ низовьевъ Волги. Большевики прорвали слабыя части стрѣлковъ и захватили Петровское. Добровольцы понесли значительныя потери. 1-ый стрѣлковый полкъ, потерявшiй болѣе половины своего состава, былъ вынужденъ отступить.

25-го сентября скончался основатель и Верховный Руководитель Добровольческой Армiи Генералъ-Адъютантъ М. В. Алексѣевъ. Деникинъ сдѣлался Главнокомандующимъ Армiей. Въ тотъ-же день были учреждены должности двухъ его помощниковъ, которыми Деникинъ назначилъ Генерала отъ Кавалерiи М. А. Драгомирова и Генералъ-Лейтенанта А. С. Лукомскаго.

Въ первыхъ числахъ октября Врангель съ 1-й конной дивизiей, усиленной еще нѣкоторыми казачьими частями, наносилъ непрерывные удары большевикамъ на Кубани. Полчища Таманской красной армiи уже искали выхода на сѣверъ. Вывозя свое военное имущество и награбленную добычу по единственной, бывшей въ ихъ распоряженiи, Владикавказской желѣзной дорогѣ, въ направленiи на Минеральныя Воды, они стремились овладѣть Ставрополемъ, чтобы расчистить себѣ путь отхода черезъ богатую восточную часть Ставропольской губернiи.

Между Ставрополемъ и Невинномысской шли упорные и непрерывающiеся бои. Не менѣе сильные бои происходили подъ Армавиромъ.

Распоряженiемъ Главнокомандующаго начальствованiе надъ всѣми войсками, находившимися въ Ставропольской губернiи, было возложено на Боровскаго. Это давало въ концѣ концовъ единоначалiе. Глазенапъ остался только военнымъ губернаторомъ. Ему подчинялись двѣ сотни

Черноморцевъ, слабый по численности 1-й стрѣлковый полкъ, Запасный кавалерійскій, Инженерная рота и 4-й Запасный батальонъ, при чемъ перемѣнный составъ послѣдняго былъ взятъ цѣликомъ на пополненіе частей 3-й дивизіи. Сформированные Глазенапомъ Запасные батальоны вошли частью въ составъ дивизій, а частью поступили въ распоряженіе Начальника Запасныхъ Частей, подчинявшагося Дежурному Генералу Арміи.

Инородческій полкъ перешелъ въ группу Боровскаго. У самого Боровскаго составъ частей часто мѣнялся, такъ какъ изъ его 2-й дивизіи постоянно выдергивались полки на поддержку другихъ боевыхъ фронтовъ; его-же фронтъ занималъ огромное протяженіе.

Большевики на Кубани были уже окружены. Съ запада на нихъ напирала дивизія Казановича, съ юга ихъ гналъ Врангель, съ сѣвера не пускалъ Боровскій. Къ тому-же носившійся по Кавказу Шкуро, появлявшійся то въ поднятомъ имъ противъ большевиковъ Баталпашинскомъ уѣздѣ, то въ Кисловодскѣ, — лишалъ красныхъ возможности планомѣрнаго отхода на Кавказъ.

Но вся масса красной Таманской арміи, въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, была по сравненію съ добровольцами настолько плотна и велика, что естественно постоянно рвала тонкій обручъ охватившаго ихъ кольца.

Въ десятыхъ числахъ октября группа Боровскаго усилилась еще и частями 3-й дивизіи. Но эти части, истрепанныя и обезсиленныя непрерывными боями подъ Армавиромъ, нуждались въ отдыхѣ.

Усталость войскъ, особенно подъ Ставрополемъ, гдѣ обстановка заставила Боровскаго прибѣгнуть къ оборонѣ, являющейся въ гражданской войнѣ труднѣйшимъ видомъ боя, — давно замѣчалась. Она еще усилилась съ перемѣной погоды и октябрьскими холодными ночами, чувствительными для плохо одѣтыхъ добровольцевъ.

12-го октября большевики повели наступленіе значительными силами и потѣснили добровольческія части почти къ дер. Татаркѣ, находившейся отъ Ставрополя въ 12 верстахъ.

На другой день обозначилось наступленіе красныхъ и по направленію дер. Надежда; видимо, они хотѣли охватить Ставрополь и съ востока.

Въ тотъ-же день днемъ Глазенапъ ѣздилъ на позиціи. Въ разговорѣ съ Боровскимъ, послѣдній признавалъ положеніе очень труднымъ, но далеко не безнадежнымъ и считалъ Ставрополь въ безопасности. Жаловался только на Дроздовскаго, недостаточно хорошо выполнявшаго его распоряженія.

Подъ вечеръ пріѣхавшіе въ Ставрополь Боровскій и Дроздовскій были у Глазенапа, и Глазенапъ снова спросилъ Боровскаго, какъ онъ считаетъ положеніе.

Опредѣленнаго отвѣта Боровскій дать, понятно, не могъ, ибо вообще ни одинъ начальникъ не можетъ ручаться за исходъ операціи, — но все-же высказывался успокоительно.

О правильной эвакуаціи Ставрополя, не приходилось и думать. Чтобы эвакуировать все, надлежало къ такой эвакуаціи приступить

еще недѣли за двѣ, за три. Но тогда поднялся-бы большой шумъ, весьма подбодрившій всѣхъ большевиковъ и внѣшнихъ, и внутреннихъ и, конечно, былъ-бы не въ пользу добровольцевъ.

Учитывая все-же возможность оставленія города, Глазенапъ 13-го вечеромъ вызвалъ срочно подвижной составъ и паровозы и отдалъ секретное распоряженіе о порядкѣ эвакуаціи больныхъ и раненыхъ, которыхъ къ тому времени скопилось до трехъ тысячъ.

Въ ночь на 14 октября, около двухъ часовъ, большевики атаковали близъ дер. Татарки дивизію Дроздовскаго и нѣсколько ее потѣснили, но до Татарки не дошли.

Послѣ двухчасового разговора по аппарату Боровскаго съ Романовскимъ выяснилось, что обстановка на фронтѣ не дастъ возможности подкрѣпить Боровскаго свѣжими силами. Къ пяти часамъ утра Боровскій, уходя изъ аппаратной комнаты, высказалъ свое опасеніе за исходъ операціи.

Немедленно Глазенапъ распорядился объ эвакуаціи раненыхъ и семействъ служащихъ.

Благодаря принятымъ мѣрамъ, въ десять часовъ изъ Ставрополя отошли эшелоны со всѣми больными и ранеными, за исключеніемъ восьми очень тяжело раненыхъ, перенесенныхъ немедленно въ городскую лечебницу, гдѣ они были положены въ перемѣшку съ ранеными большевиками.

До одиннадцати часовъ отошли и другіе эшелоны, въ которыхъ были отправлены семьи офицеровъ, гражданскіе служащіе съ ихъ семьями, духовенство и словомъ все то, что хотѣло уѣхать. Послѣдній добавочный эшелонъ ушелъ полупустымъ. Остались лишь тѣ, кто не рѣшился бросить на произволъ судьбы свое имущество, которое вывезти вообще невозможно, даже при самой планомѣрной эвакуаціи.

Также успѣли вывезти наиболѣе важныя дѣла. Содержимое казначейства и государственнаго банка подъ охраной городской стражи выступило походнымъ порядкомъ въ направленіи на Кавказскую. Такимъ-же походнымъ порядкомъ отправилась въ полномъ своемъ составѣ и Ставропольская тюрьма, конвоируемая пѣшимъ эскадрономъ Запаснаго кавалерійскаго полка.

Къ часу дня въ Ставрополѣ изъ администраціи оставался только Военный Губернаторъ съ частью своего штаба, двумя сотнями Черноморцевъ и полусотней конныхъ партизанъ. Къ этому времени большевики, обойдя городъ съ востока, заняли уже вокзалъ Армавиръ-Туапсинской жел. дороги. Владикавказскій вокзалъ былъ еще въ рукахъ добровольцевъ и занимался эскадрономъ калмыковъ.

Около двухъ часовъ Боровскій получилъ донесеніе, что Корниловскій полкъ, совершившій передъ этимъ чудовищный переходъ изъ-подъ Маныча, — атаковалъ дер. Надежда, но тѣснимый со всѣхъ сторонъ противникомъ, принужденъ былъ отступить.

Послѣ этого Боровскій рѣшилъ оставить Ставрополь и въ три часа дня выѣхалъ со штабомъ изъ города. Получивъ извѣщеніе Боровскаго объ оставленіи имъ Ставрополя, черезъ полчаса выѣхалъ и Глазенапъ. Въ раіонѣ вокзала уже шелъ бой. Къ ночи Глазенапъ со штабомъ пере-

шелъ въ станицу Рождественскую, въ двадцати верстахъ къ сѣверу отъ Ставрополя.

На другой день двѣ сотни Черноморцевъ также ушли къ Боровскому, а у Глазенапа осталась полусотня партизанъ, Инженерная рота и малочисленный 1-й стрѣлковый полкъ; послѣдній несъ охранную службу при эвакуированныхъ эшелонахъ, а Инженерная рота отправилась на станцію Кавказскую для пополненія.

Запасный кавалерійскій полкъ уже получилъ приказъ поступить въ распоряженіе Корвинъ-Круковскаго, командированнаго Деникинымъ въ Крымъ, и потому шелъ походомъ на Тамань. Туда же, по сдачѣ ставропольскихъ арестантовъ въ Екатеринодарскую тюрьму, долженъ былъ идти и его пѣшій эскадронъ.

Такимъ образомъ вся 4-я дивизія Глазенапа разошлась по частямъ.

XXXVII

Начиная съ 14-го октября раіонъ Ставрополя сдѣлался мѣстомъ упорныхъ и кровопролитныхъ боевъ. 15-го октября большевики заняли городъ, а въ теченіе 16-го и 17-го октября выдвинулись отъ Ставрополя къ сѣверу и овладѣли с. Михайловскимъ и ст. Пелагіадой.

Въ то-же время, на линіи желѣзной дороги Кавказская-Армавиръ, значительныя силы большевиковъ упорно держались передъ дивизіей Казановича, наступавшаго на Армавиръ. Съ юга въ направленіи на Невинномысскую на большевиковъ напирала конница Врангеля. Боровскій, по сдачѣ Ставрополя, отошелъ отъ него въ сѣверо-западномъ направленіи и находился на участкѣ Сенгилеевская-Московское. Подчиненныя ему части еще вели бой подъ селомъ Медвѣжьимъ, сдерживая отряды большевиковъ, наступавшихъ на Медвѣжье съ востока.

Большевикамъ удалось напоромъ своей многотысячной массы прорвать сжимавшее кольцо. Теперь для нихъ былъ открытъ путь на сѣверъ.

Въ такомъ положеніи тянулось время до конца октября. Деникинъ былъ почти все время на позиціяхъ, и его личное руководство и вліяніе двигало въ бой измотанныя и обезсиленныя добровольческія части.

Между тѣмъ дорвавшіеся до Ставрополя большевики, предались самому отчаянному грабежу давно невиданнаго ими города. Среди старшихъ большевистскихъ начальниковъ начались недоразумѣнія изъ-за власти. Вспыхнувшая среди красныхъ эпидемія сыпного тифа въ нѣсколько дней свалила до двѣнадцати тысячъ вѣчно грязныхъ красноармейцевъ.

Все это вмѣстѣ взятое ослабило и разложило ихъ огромныя полчища. Потери большевиковъ убитыми и ранеными опредѣлялись также въ нѣсколько тысячъ.

Но и добровольцы въ свою очередь тоже понесли не малыя потери и, какъ всегда, особенно ощутительныя въ офицерскомъ составѣ. Въ эти дни былъ убитъ командиръ Корниловскаго полка, храбрый полковникъ Индѣйкинъ и тяжело раненъ М. Г. Дроздовскій, навсегда выбывшій изъ строя и затѣмъ скончавшійся отъ полученной раны.

Въ первыхъ числахъ ноября сопротивленіе большевиковъ удалось, наконецъ, сломить. Былъ взятъ Армавиръ, занята станція Невинномысская, а конница Врангеля съ боемъ овладѣла Ставрополемъ.

Давъ своей дивизіи минимальный отдыхъ, черезъ два дня Врангель уже началъ преслѣдованіе большевиковъ въ направленіи на с. Михайловское, обходя ихъ флангъ и не давая имъ возможности отойти на сѣверъ.

На другой день по взятіи Ставрополя Глазенапъ былъ на станціи Рыдзвянной въ поѣздѣ Главнокомандующаго и затѣмъ оттуда отправился въ Ставрополь кружными путями, такъ какъ желѣзная дорога находилась еще въ рукахъ большевиковъ. Вечеромъ онъ прибылъ въ городъ съ нѣсколькими чинами штаба и командой ординарцевъ. Штабъ и все прочее находилось еще въ эшелонахъ на запасныхъ путяхъ различныхъ станцій. Партизанская полусотня вышла заранѣе въ районъ Ставрополя и вошла въ подчиненіе Врангеля.

Ставрополь за три недѣли хозяйничанья большевиковъ подвергся сильному разоренію. Покидая городъ, большевики оставили кучи мусора, навоза и труповъ. Но самое тяжелое ихъ наслѣдіе заключалось въ брошенныхъ ими раненыхъ и сыпно-тифозныхъ больныхъ. Послѣднихъ было до восьми тысячъ, и помимо того, что они занимали рядъ казенныхъ зданій, часть ихъ размѣщалась еще по обывательскимъ квартирамъ.

Созданный красными очагъ сыпного тифа причинилъ не мало хлопотъ. Тифозная зараза расползлась по городу и въ короткій промежутокъ времени охватила значительное число жителей. Не уберёглись отъ тифа и войска, потерявшія умершими гораздо больше, чѣмъ убитыми и ранеными.

Въ первые дни работа налаживалась особенно трудно, такъ какъ эвакуированныя губернскія учрежденія еще не прибыли, а по прибытіи не могли занять своихъ помѣщеній, разбитыхъ и разграбленныхъ.

Не обошлось по началу и безъ нѣкоторыхъ треній между начальниками. Въ то время въ Ставрополѣ стоялъ и Врангель, командовавшій 1-й конной дивизіей, и начальникъ 1-й дивизіи Казановичъ; одинъ другому подчиненъ не былъ.

Только около 10-12 ноября Врангель и Казановичъ выступили изъ Ставрополя, и въ немъ единоличнымъ хозяиномъ остался Глазенапъ.

Многое приходилось возстановить, многое налаживать сызнова. Городское самоуправленіе, считавшее Глазенапа виновникомъ сдачи Ставрополя и невывоза при эвакуаціи городского ломбарда (о чемъ должны были-бы заботиться сами отцы города), подсчитывало свои личные убытки и занялось немедленно новыми кляузами.

XXXVIII

Главнокомандующему былъ посланъ рядъ жалобъ. Первая жалоба, подписанная городскимъ головой и нѣсколькими гласными, заключалась въ томъ, что военный губернаторъ никогда не считается съ общественнымъ мнѣніемъ и городской думой, являющейся его выразителемъ. Жалоба была наивная, а юридически и безграмотная.

Вторая жалоба отъ тѣхъ же гласныхъ изливала на Уварова обвиненіе въ томъ, что онъ своимъ некорректнымъ поведеніемъ съ представителями думы возбуждаетъ противъ Арміи справедливое негодованіе населенія. Нелюбимый въ штабѣ Командующаго Уваровъ получилъ назначеніе въ резервъ чиновъ, т. е. попросту его уволили отъ должности въ угоду нахальнымъ демагогамъ.

Слѣдующая жалоба была на Глазенапа за дѣйствія Корнета Левина, командовавшаго партизанской полусотней и находившагося во временномъ распоряженіи штаба Врангеля.

Этотъ Корнетъ, въ мірѣ Статскій Совѣтникъ почти пятидесятилѣтняго возраста, ухитрившійся сохранить, не смотря на участіе въ Русско-Китайской, Русско-Японской, Русско-Германской и, наконецъ, гражданской войнахъ, невинность своего корнетскаго чина, — проявилъ нѣсколько излишнюю жестокость. Окруживъ въ одномъ изъ кварталовъ Ставрополя роту большевиковъ, онъ перебилъ всѣхъ красныхъ, за исключеніемъ одного, который, будучи раненъ, доползъ до какого-то общественнаго дѣятеля и наразсказалъ нѣчто невѣроятное о звѣрствахъ „кадетъ".

Съ военной точки зрѣнія, конечно, въ поступкѣ Левина не заключалось ничего противозаконнаго.

Въ это время въ штабѣ Арміи издавалось весьма любопытное печатное слово, подъ названіемъ „Изнанка", гдѣ писались особыя сводки, предназначаемыя лишь для свѣдѣнія старшихъ начальниковъ.

Такая литература, видимо, имѣла цѣлью ознакамливать Главное Командованіе съ неприкрашенной дѣйствительностью и той закулисной стороной дѣла, которая всегда такъ трудно уловима для верховъ власти.

Не говоря уже о томъ, что подобное дѣло требуетъ отъ его руководителей и исполнителей огромнаго знанія людей, всесторонней подготовки, жизненнаго опыта и безусловной честности, — оно всегда было и будетъ труднѣйшей отраслью государственнаго управленія.

Вся русская и европейская исторія достаточно показала, насколько трудно имѣть надежную освѣдомительную машину, а тѣмъ болѣе — въ періодъ народной смуты, при неустойчивости умовъ, партійной борьбѣ и лицепріятіи.

И вотъ, въ этой-то интимной газетѣ, кажется ужъ располагавшей всѣми свѣдѣніями о распоряженіяхъ Командующаго, а тѣмъ болѣе о его приказахъ, появилась замѣтка съ обвиненіемъ Глазенапа въ сдачѣ Ставрополя. Кто, кто, а ужъ писатели „Изнанки" должны были-бы знать, что Глазенапъ задолго до эвакуаціи Ставрополя ничѣмъ не командовалъ, а слѣдовательно, и не могъ быть причастнымъ въ октябрѣ мѣсяцѣ къ его оставленію.

Въ той-же „Изнанкѣ" была еще статейка о томъ, что въ ночь оставленія Ставрополя Глазенапъ находился въ какомъ-то кабарэ, устроенномъ однимъ изъ благотворительныхъ учрежденій.

Впослѣдствіи, когда торопливымъ писакамъ къ ихъ великому конфузу показали соотвѣтственные приказы Деникина о назначеніи командующимъ Ставропольской группой Боровскаго, а также объявленіе благотворителей, что несостоявшееся вслѣдствіе эвакуаціи кабарэ переносится на другое время, сотрудники „Изнанки" покаялись въ своемъ за-

блужденіи, ссылаясь на плохую агентуру. Послѣдняя-же состояла опять-таки изъ губернской оппозиціи, всюду проникавшей и вездѣ подкапывавшейся подъ власть.

Единственно, кто въ это время немного угомонился, — это В. М. Красновъ. Во время двухнедѣльнаго господства въ Ставрополѣ большевиковъ, погибла оставшаяся въ городѣ изъ-за болѣзни его семья.

Познавъ на близкихъ прелести большевизма, Красновъ значительно сдвинулся вправо, но и то не надолго. Черезъ полтора года неисправимый демагогъ принималъ дѣятельное участіе въ гибели добровольцевъ и спасъ отъ заслуженной кары не мало большевиковъ, выпустивъ послѣднихъ изъ Екатеринодарской тюрьмы.

Поднялась еще съ канцелярскаго дна штаба Главнокомандующаго старая жалоба, нелѣпая и постыдная для писавшихъ ее русскихъ людей.

Еще въ августѣ, отъ Дежурнаго Генерала всѣ старшіе начальники Арміи получили телеграмму съ извѣщеніемъ о мученической кончинѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ЕГО Августѣйшей Семьи. Въ телеграммѣ была приписка, что Командующій приказалъ отслужить во всѣхъ войсковыхъ частяхъ панихиды объ убіенномъ ИМПЕРАТОРѢ.

Копія телеграммы съ соотвѣтствующей припиской Начальника Штаба была передана во всѣ строевыя части. Вмѣстѣ съ тѣмъ такая же копія была послана къ Архіепископу, съ надписью начальника штаба для свѣдѣнія и съ припиской, что Военный Губернаторъ проситъ распоряженія о назначеніи въ соборѣ служенія панихиды.

Въ тотъ-же день на улицахъ было расклеено объявленіе съ извѣщеніемъ, что въ соборѣ будетъ отслужена панихида по ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ и ЧЛЕНАМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ДОМА и указано время начала богослуженія. Эти-же объявленія были разосланы и во всѣ казенныя и общественныя учрежденія. Панихида весьма торжественная была отслужена въ соборѣ, а кромѣ того, по распоряженію духовной власти панихиды служились и въ другихъ церквяхъ.

Кромѣ военныхъ, на панихидѣ присутствовали гражданскіе чины, очень много частныхъ лицъ, многіе гласные думы и вообще значительное число различныхъ по своему положенію людей.

Служились панихиды и въ освобожденныхъ отъ большевиковъ деревняхъ при переполненныхъ молящимися храмахъ.

Но въ русскомъ Ставрополѣ нашлись русскіе люди, которые пожаловались Верховной Власти на то, что Военный Губернаторъ приказалъ имъ быть въ соборѣ на панихидѣ по русскомъ ЦАРѢ.

Никакого приказа не было, это была ложь, приказъ былъ-бы даже страненъ, такъ какъ нельзя было и представить, что въ части освобожденной отъ большевиковъ Россіи найдется хоть одинъ русскій, не пожелавшій отдать послѣдній долгъ своему ГОСУДАРЮ.

А такіе люди нашлись, да еще нашлись и другіе, которые разсматривали жалобу и надъ этой жалобой думали, докладывать ее Командующему или сдѣлать предварительное разслѣдованіе.

Все забывается очень скоро, и Ставропольская оппозиція забыла, что два мѣсяца до этого она смиренно ходила по весьма внушительному „приказу“ на всякіе большевистскіе митинги и въ страхѣ выслуши-

вала угрозы и издѣвательства, заискивающе пресмыкаясь передъ комиссаромъ изъ фармацевтовъ.

Приходило-ли ей тогда въ голову жаловаться или протестовать противъ дѣйствительныхъ звѣрствъ, чинимыхъ большевиками?

А Деникинъ лишь „звалъ" всѣхъ строить государство, въ которомъ „было-бы хорошо и правымъ и лѣвымъ". Нужна-ли была многимъ „лѣвымъ" Россія? Не былъ-ли этотъ призывъ тоже утопіей, разлетѣвшейся въ прахъ при прикосновеніи съ безпощадной дѣйствительностью жизни?

XXXIX

Въ двадцатыхъ числахъ ноября Врангель при очень трудной обстановкѣ со своимъ 1-мъ коннымъ корпусомъ (развернутымъ изъ 1-й конной дивизіи и приданныхъ ей частей) продвигался впередъ въ направленіи на г. Святой Крестъ. Правѣе его наступала дивизія Казановича.

Въ ноябрѣ снова произошли нѣкоторыя переформированія. Въ частности изъ 4-й дивизіи Глазенапа была взята Кубанская бригада, которая вошла въ составъ 3-й Кубанской дивизіи. Инженерная рота поступила въ распоряженіе Ляхова, а 1-й и 2-й стрѣлковые полки переданы въ распоряженіе начальника 3-й дивизіи Май-Маевскаго, назначеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ Ставропольскаго гарнизона. 4-я дивизія была расформирована, а затѣмъ вновь сформирована изъ новыхъ частей, находившихся въ Крыму.

Въ распоряженіи Военнаго Губернатора остался лишь Инородческій конный полкъ, при которомъ Глазенапъ продолжалъ собирать кадры Тверскихъ, Нижегородскихъ и Сѣверскихъ драгунъ. Въ началѣ 1919 года эти кадры были выдѣлены, и составленный изъ нихъ Сводный полкъ Кавказской Кавалерійской дивизіи, подъ командой Генеральнаго Штаба Полковника П. В. Попова, выступилъ изъ Ставрополя на фронтъ.

Май-Маевскій, неизвѣстно почему, расформировалъ 1-й Стрѣлковый полкъ, а 2-й стрѣлковый оставилъ въ Ставрополѣ. Самъ-же уѣхалъ со своей 3-й дивизіей въ Донецкій каменноугольный раіонъ. 2-й стрѣлковый полкъ подчинили Военному Губернатору, и онъ несъ караульную службу въ городѣ.

Вскорѣ корпусъ Врангеля и дивизія Казановича были объединены въ группу, которой командовалъ Врангель. Группа вела упорные бои въ восточной части губерніи почти до половины декабря. Только въ декабрѣ Врангелю удалось нанести окончательный ударъ, послѣ котораго онъ скоро занялъ Святой Крестъ. Жалкіе остатки Таманской арміи частью сдались, частью же разбѣжались въ пустынныхъ прикаспійскихъ равнинахъ.

Въ декабрѣ успѣшно развивались бои и на Кавказѣ, гдѣ очищался отъ большевиковъ Минераловодскій раіонъ.

Въ это время подходилъ къ разрѣшенію одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ о единствѣ военной власти. Велись переговоры съ Дономъ, гдѣ Донская армія начала терпѣть сильныя пораженія отъ большевиковъ, захватившихъ нѣкоторые сѣверные округа.

Въ результатѣ переговоровъ Донская Армія подчинилась Деникину; Атаманъ Красновъ въ силу весьма сложныхъ причинъ ушелъ, а его мѣсто занялъ А. П. Богаевскій, раздѣлившій съ добровольцами въ свое время всю тяжесть Корниловскаго похода.

Деникинъ сдѣлался Главнокомандующимъ Вооруженными Силами на югѣ Россіи. Командующимъ Добровольческой Арміей былъ назначенъ Врангель.

Возглавленіе Деникинымъ „Вооруженныхъ силъ на югѣ Россіи“ оффиціально произошло „по соглашенію“ съ Атаманами Кубанскаго и Донского казачьихъ войскъ, бывшихъ въ то время не только лишь Атаманами въ прямомъ значеніи этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „президентами“ казачьихъ „государственныхъ образованій“ съ весьма сложными и неустойчивыми конституціями.

„Соглашеніе“ было достигнуто не сразу, и какъ оба Атамана, такъ и Деникинъ пошли на уступки, непредвѣщавшія ни той, ни другой сторонѣ ничего прочнаго.

Главы казачьихъ государствъ отдали Деникину свою боевую силу, а Глава будущаго обще-россійскаго Государства отдалъ имъ часть своей государственной власти, при чемъ въ отношеніи даже полученной имъ силы былъ поставленъ въ положеніе начальника почти временъ „керенщины“, т. е. юридически полноправнаго лишь въ отношеніи „боевыхъ“ распоряженій.

Такое единоначаліе въ годы лихолѣтья, конечно не обѣщало ничего прочнаго и устойчиваго.

Продолжая спасеніе Россіи подъ русскимъ флагомъ, Деникинъ принужденъ былъ базироваться на „мозаичный“ тылъ, надъ которымъ развивались флаги всевозможныхъ „самоопредѣленцевъ“.

XL

Обозначившійся военный, а затѣмъ и политическій крахъ Германіи не замедлилъ отразиться и на югѣ Россіи.

Съ одной стороны онъ принесъ за собой и неизбѣжное паденіе гетманской Украины, а съ другой—окончательно опредѣлилъ положеніе европейской политической обстановки и разрѣшилъ послѣднія сомнѣнія въ „эріентаціи“.

Казалось, что антибольшевистская Россія, бывшая въ союзѣ съ побѣдителями, выходила на ясную и широкую міровую дорогу. Всѣ взоры русскихъ людей естественно обратились къ союзникамъ, ожидая отъ послѣднихъ, если и не полной уплаты боевыхъ долговъ, то во всякомъ случаѣ помощи, не менѣе искренней, чѣмъ была въ свое время для нихъ помощь боевыхъ армій, спасшихъ цѣною русской крови народы западной Европы.

Съ поддержкой иностраннаго снабженія и сравнительно небольшой военной силы Главное Командованіе могло разсчитывать въ кратчайшій срокъ справиться съ большевиками, тѣмъ болѣе, что рядъ и другихъ русскихъ окраинъ, — Сибирь, Сѣверъ и Прибалтика начали также успѣшно развивающуюся борьбу.

Но въ этомъ вопросѣ русскій югъ ожидало сильнѣйшее разочарованіе.

Прибытіе представителей союзниковъ произвело крайне несерьезное впечатлѣніе. Ихъ поведеніе ясно показало, что „союзныя" правительства совершенно и не собирались считать югъ Россіи, какъ „политическую державу". А явившіеся въ Екатеринодаръ иностранцы смотрѣли на добровольческое дѣло тѣмъ особымъ взглядомъ, который выработался у „культурныхъ" европейцевъ по отношенію къ африканскимъ и другимъ колоніямъ.

Великая трагедія русскаго народа была имъ чужда и непонятна и вызывала въ лучшемъ случаѣ простое любопытство. Дѣйствія „союзниковъ", начиная отъ гнусныхъ и наглыхъ предложеній, сдѣланныхъ французскимъ капитаномъ Фуке Донскому Атаману и кончая Одесской эпопеей, ясно показали, что югъ Россіи одинокъ.

Если французы и англичане сплавили въ Новороссійскъ немного военныхъ запасовъ, ненужныхъ самимъ, то это была, конечно, не помощь, а лишь коммерческое предпріятіе, диктуемое финансовыми соображеніями.

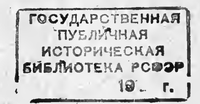
Новый 1919 годъ сулилъ и новыя надежды, и новыя тяготы.

Территоріи расширялись, арміи увеличивались, „тылъ" мало по малу налаживался, но на ряду съ тѣмъ назрѣвали военныя событія на Дону, грозившія Дону тяжелой катастрофой.

Вооруженныя силы на югѣ Россіи должны были вмѣстѣ съ тѣмъ выйти изъ періода „походной государственности" и начать готовиться къ государственному строительству въ обще-россійскомъ масштабѣ.

Апрѣль 1922 г.

Митава.

Мар.

13. Н. И. Костомаровъ: Дѣятели Русской Церкви въ старину. Преподобный Ѳеодосій Печерскій, Преп. Сергій, Соловецкіе чудотворцы Зосима и Савватій, Максимъ Грекъ, Преп. Нилъ Сорскій и Кіевскій митрополитъ Петръ Могила. 116 страницъ . . . . 75.—
14. Ив. Наживинъ: Передъ катастрофой. Разсказы. 2-е изданіе. (268 стр.) . . . . 100.—
15. Проф. баронъ М. А. Таубе: Вѣчный миръ или вѣчная война? (Мысли о „Лигѣ Націй"). Съ факсимиле неизданнаго письма Л. Н. Толстого отъ 18 декабря 1903 г. (111 страницъ) . . , ... 90.—

Б. Книгъ, изданныхъ авторами или различными издательствами:

16. G. Z. B. Ancien officier russe: Souvenirs d'Ukraîne 1917-1918 г. г. (52 стр.) . . . . 30.—
17. И. А. Родіоновъ: Москва-матушка. Былина. (62 стр.) . . 40.—
18. И. А. Родіоновъ: Жертвы вечернія (не вымыселъ, а дѣйствительность). 328 страницъ . . . . 200.—
19. В. Куликовскій: Ея грѣхъ. Романъ. (157 стр.) . . . . . 100.—
20. В. Б.: Основы русской грамматики. (16 страницъ) . . . 10.—
21. В. О. Ключевскій, проф.: Преподобный Сергій Радонежскій. Сергіевская Лавра и ея основатель. Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа. (47 стр.) . . . . 20.—
22. Г. Б. Немировичъ-Данченко: Лѣто Господне. Симфоніи. (130 страницъ) . . . . 60.—
23. Н. Н. Зворыкинъ: Крушеніе золото-валютной монетной системы. Потрясеніе экономическое, Международная задолженность, Инфляція, Что такое деньги?, Французскій Банкъ, Національный Эмиссіонный Банкъ, Монополизація золота, Къ судьбѣ Россіи (176 страницъ). . . . . 100.—
24. С. В. Денисовъ, генералъ: Записки. Гражданская война на югѣ Россіи 1918—1920 г. г. Въ семи книгахъ, съ приложеніемъ 70 картъ-схемъ, исполн. въ цвѣтныхъ краскахъ. 1-ая книга. (120 страницъ). . . . . 100.—
25. И. Меркурьевъ: Голосъ военноплѣннаго. (Поэма). 86 страницъ. . . . . 30.—
26. П. П. Булыгинъ: Стихотворенія. (129 стр.) . . . . . . 60.—
27. Н. А. Лаппо-Данилевская: На комъ вина? Романъ. III-ья часть „Развала". (228 стр.). . . . . 150.—
28. И. А. Родіоновъ: Наше преступленіе. (Не бредъ, а быль.) 7-е изд. 376 стр. . . . . 200.—
29. В. Витухинъ: Перстень Іоанна Грознаго. Повѣсть на фонѣ эмигрантской жизни. . . . . 50.—
30. „Казачій сборникъ" № 1 . . . . 40.—
31. „Казачій сборникъ" № 2 . . . . 45.—

Въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться новыя статьи казачьихъ писателей: ген. Краснова, И. А. Родіонова и др. правдивыхъ пѣвцовъ красивой исторіи Казачества и его значенія въ жизни Россійскаго Государства.

Мар.

32. Ахадъ-Хамъ. Тайный вождь іудейскій. . . . . 25.—
33. Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ. Всемірный тайный заговоръ. 60.—
34. Митрополитъ Антоній: Христосъ Спаситель и еврейская революція. . . . . 35.—

В. Книгъ собственнаго изданія:

35. Е. Ф. Шмурло, проф.: Исторія Россіи. . . . . 400.—
36. Сумбатовъ, В.: Стихотворенія. . . . . 60.—
37. В. Мятлевъ: Фонъ-Братенъ. Романъ въ стихахъ изъ петербургской великосвѣтской жизни. . . . . 50.—

Г. Открытки „Великая Россія". Изд. Дѣтинецъ. (Серія 10 шт.). . . . . 25.—

Указанныя цѣны — съ 1-го сентября сего года.
По обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ Кн. Маг. „Градъ Китежъ", періодически выпускается новая расцѣнка перечисленныхъ книгъ. Очередная расцѣнка (списокъ № 6) выйдетъ не раньше 15 сентября.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПЕЧАТИ:

1. О. Листовская: Въ тѣ дни. (Въ плѣну у большевиковъ, изъ дневника).
2. П. Н. Красновъ: „Степь". Разсказы (картины жизни въ первые дни господства большевиковъ въ привольныхъ степяхъ Дона).
3. М. Горянинова: „Струны прошлаго".
4. Н. А. Лаппо-Данилевская: „Да будетъ свѣтъ!" Окончаніе романа „Развалъ".
5. Генералъ Денисовъ: Гражданская война на Югѣ Россіи 1918 — 1920 г. г. Книга 2-ая. Май — Сентябрь 1918 г.
6. Генералъ Денисовъ: Гражданская война на Югѣ Россіи 1918 — 1920 г. г. Книга 3-ая. Октябрь 1918 г. — Январь 1919 г.
7. Князь С. М. Волконскій: Воспоминанія ч. III „Родина".
8. Благамурскій: „Амуръ въ крови". (Очеркъ борьбы съ красными на Амурѣ).
9. Князь С. М. Волконскій: „Жизнь".
10. Князь Голицынъ-Муравлинъ: „Кащей" (сказка).
11. И. А. Родіоновъ: „Любовь". Романъ на фонѣ страшныхъ дней русской дѣйствительности въ Крымскій періодъ Гражданской войны.
12. Инж.-техн. П. И. Секретевъ: „Сельско-хозяйственные тракторы Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ". (Справочная книга для инженеровъ, агрономовъ и сельскихъ хозяевъ). Въ двухъ частяхъ. Часть первая: „Тракторы". Часть вторая: „Совмѣстная работа тракторовъ съ земледѣльческими машинами и орудіями.
13. Инж.-Техн. П. И. Секретевъ: Техника земледѣлія. (Новѣйшіе методы обработки земли).

